

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Сожженные мосты

7

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

Черная вдова. Сожженные мосты

«Марина Крамер»

2009

Крамер М.

Черная вдова. Сожженные мосты / М. Крамер — «Марина Крамер», 2009 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-34949-4

Казалось бы, Марина Коваль доказала право быть первой леди своего города. Пусть ее имя окружено ореолом уголовных дел, жестоких убийств и кровавых легенд, она - человек действия. На крайние меры она идет лишь ради спасения собственной жизни или близких. Но увы —врагов у Наковальни по-прежнему предостаточно. Криминальный авторитет Ашот стоит за новой волной козней против нее. У него к Марине давние счеты. К тому же он угрожает убить телохранителя Наковальни – Женьку Хохла. Этого Марина не потерпит: Женька – единственный по-настоящему родной ей человек, кроме маленького сына...

ISBN 978-5-699-34949-4

© Крамер М., 2009
© Марина Крамер, 2009

Марина Крамер

Черная вдова. Сожженные мосты

В небольшом полутемном зале придорожного кафе за столиком в самом углу сидели трое. Нехитрая закуска, остатки шашлыка на тарелках, пустые бутылки из-под красного вина – обычный антураж для подобного места. Да и интерьер соответствующий. Посреди зала пьяно ржут пятеро дальнбойщиков, за их столом по-хозяйски расположились местные «дорожницы», предвкушая хорошую выручку. Мужчины за столиком в углу недовольно поглядывали на нетрезвую компанию, мешавшую разговору. Самый молодой что-то пробормотал, и его собеседники почтительно склонили головы. По манере держаться в молодом парне угадывался уважаемый человек. Он снова сказал что-то и полез в карман, достал небольшой конверт и положил на стол. Старший из мужчин взял его и сунул в карман кожаной куртки.

– И смотри – чтобы на этот раз без осечек! – предупредил молодой. – Я устал выбрасывать деньги.

– Не сомневайся. На этот раз все будет как надо.

* * *

– Господи, как холодно-то! – Марина поежилась, хватая халат и проворно натягивая его, чтобы согреться. Вырванное из теплых объятий сна и погруженное в холод спальни тело отказывалось подчиняться сознанию и стремилось обратно под одеяло. – Нет, все, пора вставать – дел по горло.

Она решительно двинулась в ванную и включила душ, но становиться под воду не спешила, потянувшись сладко, улыбнулась своему отражению в зеркале, как делала каждое утро:

– Ну, что, дорогая? Вот и новый день? Выглядишь не особенно, но сейчас мы это исправим, да?

Это был ее метод пробуждения: Коваль всегда заставляла себя приходить в рабочее состояние такими разговорами. Приняв душ и снова завернувшись в длинный мягкий халат, она пошла вниз, в кухню, заглянув по дороге в детскую, где сладко спал сын. Полчаса покоя у нее есть, успеет выпить кофе и покурить.

Моложавая, круглолицая женщина лет пятидесяти, одетая в цветастый брючный костюм, повернулась от плиты и приветливо улыбнулась:

– Доброе утро, Марина Викторовна. Как спали?

– Доброе, Дашенька. Батарея у меня ночью почему-то отключилась, – пожаловалась хозяйка, усаживаясь на высокий табурет перед барной стойкой и подвигая к себе чашку и джезву с кофе, ловко подsunутую внимательной домработницей. – Замерзла, как Каштанка!

– Надо ребятам сказать, пусть в бойлерной посмотрят. – Даша подала пепельницу и пачку сигарет. – Егорка спит еще?

– Да. В какое время приедет Наталья Марковна?

– Обещала к одиннадцати.

Наталья Марковна – Егоркина няня, которую Марина наняла почти месяц назад. Спокойная, приятная на вид женщина с двумя высшими образованиями, в меру строгая, не повышающая голоса – Марине она приглянулась сразу, как только та увидела ее в парке. Она гуляла с девочкой лет двенадцати, и Коваль почему-то сразу определила, что это не бабушка и внучка, а няня и воспитанница. Они чинно прогуливались по дорожке, и стильно одетая девочка, задрав голову, вслушивалась в слова женщины. Та что-то рассказывала, чуть наклоняясь к ребенку, обводила рукой парк, и девочка следила взглядом за полетом руки, а потом что-то спрашивала. Эта парочка выглядела увлеченной и почему-то сразу наводила на мысль о том, что девочка

и женщина запросто находят общий язык и увлекательные темы для бесед. Подобное единение очень понравилось Коваль, наблюдавшей за ними со скамьи. Она присела перевести дух и выкурить сигарету – возвращалась с очередной беседы с мэром, решила пройтись по парку, расположенному прямо за зданием мэрии. Старые раскидистые деревья, почти кладбищенская тишина и теплая погода всегда успокаивали раздраженную чем-нибудь Марину. А сегодня еще и такая удача... нужно было немедленно что-то предпринять, чтобы заполучить понравившуюся няню для Егорки.

Откладывать дело в долгий ящик Марина не стала, поднялась со скамьи, отправив в урну окурок, махнула охранникам, топтавшимся неподалеку, быстро догнала гуляющую парочку и без всяких экивоков предложила няне работать у нее. Та была слегка шокирована, да и неудивительно – когда в парке к тебе вдруг подходит молодая, одетая в черное женщина, окруженная четырьмя охранниками... Но Наталья Марковна быстро взяла себя в руки и спокойно ответила на все интересующие Коваль вопросы. Оказалось, что девочка Соня на днях должна была уехать учиться во Францию, и ее няня оставалась не у дел, а потому приняла предложение и была приятно удивлена обещанным гонораром. Марина никогда не мелочилась в вопросах, связанных с единственным сыном, и хорошей няне заплатила бы даже в монгольских тугриках, если бы та вдруг пожелала. В общем, они поладили, и Егор наконец-то обрел нормальную няню, а Коваль вздохнула с облегчением: при своем образе жизни, как ни старалась, она не могла уделять сыну столько внимания, сколько требовалось. Разумеется, в выходные она занималась Егоркой сама, но в будни рядом с ним постоянно находилась Наталья Марковна.

На сегодня у Коваль был назначен ряд встреч, и она уже отчаянно опаздывала в офис.

– Дашенька, ты уж присмотри за Егорищем, если проснется, а то мне пора, – виновато попросила она, понимая, как тяжело приходится немолодой уже Даше. Но после истории с молодой горничной и Марининым любовником Жекой Хохлом сама же Дарья и слышать не хотела о том, чтобы взять в дом еще кого-то.

Коваль уже почти перестала расстраиваться из-за Женькиной измены, почти перестала думать о нем, хотя он приезжал, забирал Егора, возил его в город, гулял с ним. Она сама так решила – ребенок очень привязан к нему, считает отцом, зачем ломать его психику? В то время, когда Женька приезжал, Марина старалась убраться из дома, чтобы не видеть его, не дать ему повода заговорить, прикоснуться, потому что тогда непременно сломалась бы. Что ни говори, а несколько лет он был с ней, Марина даже любила его по-своему, и теперь не могла простить обиды, нанесенной в ее же доме. И еще Коваль знала, что он тоже, как и она, вспоминает все, что было между ними, и ему тоже больно видеть ее и знать, что она не простит того, что он сделал. Поэтому-то и старалась сократить общение до минимума, а еще лучше – вообще не встречаться.

* * *

Сидя в кабинете в офисе, Марина пыталась сосредоточиться на финансовых отчетах, но это удавалось плохо, в голове постоянно мелькали посторонние мысли. И все потому, что сегодня на строительную площадку, где Коваль возводила новый стадион, должен приехать Ворон – ее компаньон. За этот месяц они как-то удивительно сблизились, много времени проводили вместе, и кто-то из Марининых охранников сообщил об этом факте Хохлу. Разъяренный Жека приехал с разборками, но был выставлен вон с заявлением, что Коваль свободная женщина и может делать все, что считает нужным, не отчитываясь перед ним. Мстительный и злобный Жека затаил обиду, и Марина знала, что рано или поздно он попытается сквитаться.

Наконец позвонил Ворон, сообщил, что выезжает, и Коваль тоже поднялась из кресла, закрывая папку с отчетом. Завтра дочитает.

– ...Стройка века! – оглядев почти переделанную чашу стадиона, изрек телохранитель Сева. – Так мы и Москву переплюнем по масштабу, Марина Викторовна!

Она не разделяла Севиной радости: работы продвигались медленно, да и материал разворовывали, несмотря на все принятые меры. Но это ж Россия...

Работы по отделке трибун уже почти завершились, было установлено большое электронное табло, вышки с прожекторами. Оставались кое-какие недоделки в подтрибунных помещениях, бане и буфете, комментаторская кабина над центральной трибуной, а также отделка зала для пресс-конференций. Да еще укладка искусственного газона, на месте которого сейчас был сиротливый грязно-коричневый прямоугольник. Всего несколько шагов отделяли обновленный стадион от того момента, когда его трибуны наконец заполнятся болельщиками, а на поле появится футбольная команда. Но именно на этой завершающей стадии работа неожиданно застопорилась.

Марина вместе с охранниками стояла на окружавшей поле беговой дорожке – вернее, на том, что когда-то ею было – и недовольно осматривала стройку. Никаких признаков деятельности, ни одного рабочего на объекте, только из стоящего в самом дальнем углу строительного вагончика доносилась музыка и временами раздавался сочный мужской хохот.

– Если так пойдет, то мы и за десять лет ничего не увидим. – Коваль пнула сапогом валявшуюся упаковку от кирпича – поддон полетел в сторону, хлопая на ветру обрывками прибитого к нему целлофана. – Свины, блин! Хоть бы мусор убирали! Все, хватит лирики – где прораб?

Прораб материализовался через пять минут в сопровождении Гены и Данила, изрядно струхнул при виде Марины.

– Марина Викторовна... а что ж не предупредили? – залебезил он, вытанцовывая вокруг.

– Зачем? Чтобы ты успел навести марафет? И сделать вид, что все просто отлично? – Она смотрела на невысокого, кругленького, седоватого мужичка сверху вниз и видела, как его лоб покрывается мелкими каплями пота, хотя на улице было холодно, несмотря на конец марта. – Почему я опять не вижу рабочих?

– У них обед...

– Ну да, в одиннадцать часов самое время перекусить, – согласно кивнула Марина. – Здоровое питание, да? По часам? А кран простаивает, да?

– Так... кирпича-то нет...

– Почему нет?

– Не завезли... а тот, что был, мы уже того... использовали...

«Ага! Две трети использовали, судя по поддонам, – а остальное налево слили!» – со злостью подумала Марина, в упор глядя на окончательно взмокшего прораба.

– Слушай, что за детский лепет? – раздался у нее за спиной голос Ворона. Компаньон широкими шагами приближался к беседующим, полы его длинного расстегнутого пальто развеивались от быстрой ходьбы, как огромные крылья. – Ты не знаешь, что делать в таких случаях? Звонить нужно, бревно ты! – в упор глядя на и так уже перепуганного прораба, бросил он.

Прораб забежал глазками, не зная, кого теперь чмокать в хорошо известное место – Марину или Ворона. Коваль же улыбнулась, небрежно протягивая компаньону руку, которую тот, вместо пожатия, поднес к губам.

– Приглашаю тебя в ресторан, дорогая, сейчас закончим тут, вздернем пару-тройку лохов, и поедем обедать, – совершенно серьезным тоном объявил Ворон, и Марине показалось, что от его слов прораба парализует.

– Совершенно согласна и тоже не вижу смысла в дальнейших разговорах, – протянула она, натягивая на руку перчатку. – Предлагаю просто замочить их тут всех на фиг – и дело с концом. Котлован, жаль, уже освоен, придется бетономешалку запускать...

Ворон включился в игру, стал оглядывать стройплощадку, словно подыскивая место для массовой казни, и прораб рухнул на колени, заголосив что-то о детях, внуках и жене. Коваль равнодушно окинула его взглядом, спокойно вынула сигарету и зажигалку, прикурила и отошла на пару шагов. Прораб пополз следом, продолжая выкрикивать что-то. Ворон презрительно сплюнул:

– Ну, что за мерзота, а? Как не мужик вроде.

Прораб голосил все громче, захлебываясь собственным страхом и давясь словами.

– Так, все! – прервала Марина поток его излияний. – Вставай и вали отсюда, и чтобы через две минуты все твои рабочие были на площадке и кипелились, а не в карты в вагончике играли! Иначе я оставлю здесь человек десять своих пацанов, и уж тогда времени даже на перекур не будет. Это ясно?

– Ясно, – мелко закивал головой прораб и проворно засеменил короткими ножками к вагончику.

Марина с Вороном от души посмеялись и поехали обедать в «Шар». Разумеется, наткнулись там на Женьку. Он сидел в общем зале, в самом углу, но так, чтобы хорошо видеть вход. Время было обеденное, и Хохол прекрасно знал, что Марина непременно заедет сюда. Судя по заставленному подносиками и тарелками столику, заседал он здесь уже никак не менее двух часов.

– Черт... – пробормотала Коваль, понимая, что обед сейчас будет безнадежно испорчен.

Хохол встал и ленивой походкой направился к ним. Марина успела затолкнуть обалдевшего от ее выходки Ворона в татами-рум и, задвинув расписную ширму, встать к ней спиной.

– Привет, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, начала она, вперив взгляд из-под челки в лицо приблизившегося Хохла. – Обедаем?

– Имею право, – заявил он. – Ты, смотрю, тоже привычкам не изменяешь – в татами-рум одна не ходишь.

– И дальше?

– А что дальше? – он протянул руку и попытался поправить выбившуюся из прически прядь волос, но Коваль дернула головой, скривившись. Хохол сверкнул глазами, но смолчал.

– Ну, продолжай, что остановился. – Марина скрестила на груди руки и продолжала смотреть на него.

Женька не отводил взгляда, что было тоже ново. В его лице что-то словно изменилось, стало вдруг мягче, отчего его звериная рожа сделалась мечтательной и почти романтической. Он смотрел на Марину так, что та даже слегка смутилась. Поведение Хохла сбивало с толку, она ожидала чего угодно: скандала, ора, – но не вот этого нежно-печального взгляда.

– Коваль, ты долго еще будешь измываться надо мной? – неожиданно тихо спросил Женька. – Не наигралась?

– Я вышла из того возраста, когда интересно в такие игры играть.

– Я возьму Егора сегодня? – неожиданно перевел разговор на другую тему Хохол, и она даже растерялась немного.

– Да, конечно, забирай. Он будет рад...

«А ты?» – едва не вырвалось у Хохла, но он сдержался и сказал только:

– Тогда я приеду в пять.

Он повернулся и пошел к выходу, бросив на свой столик несколько бумажек. Марина так и не поняла, что это было за выступление. Подавив вздох, она заставила себя улыбнуться и вошла в татами-рум, где уже ждался пригласивший ее на обед компаньон. Ворон окинул ее любопытным взглядом, но ничего не спросил. Они сделали заказ и закурили.

– Как пацан твой? – поинтересовался Ворон, нарушая повисшую в татами-рум тишину.

– Спасибо, все хорошо.

– Что ж ты с Женькой-то разошлась? Ведь неплохо, кажется, жили? – вдруг спросил он, беря с подноса хаши и старательно укладывая их в пальцах.

Коваль пожала плечами и не ответила. Зачем постороннему человеку знать, что происходит в ее семье? Хотя это и так уже всем очевидно, ведь Хохол живет в съемной квартире возле Центрального рынка и его «навигатор» постоянно видят на парковке. По поводу «навигатора» была война: упертый Хохол не хотел забирать его, а Марина настаивала, и только угроза бросить в бензобак спичку возымела действие.

Вообще его уход оказался таким болезненным, что Марина старалась как можно реже об этом вспоминать. И хотя она сама выставила Хохла из дома, все равно в душе надеялась, что он упрется и не уйдет. Но Женька ушел, и это, как ни странно, заставило Марину сильнее его уважать – он смог, наконец-то, доказать ей, что он все-таки мужик, а не ручная болонка.

Ворон не стал настаивать на ответе, перевел разговор на тему стройки, и они весь обед прообсуждали, что и как теперь делать с поставщиками и подрядчиками. Маринины собственные рабочие отказывались подчиняться и откровенно саботировали все ее распоряжения, что было совсем уж странно. Не иначе, кто-то поработал с ними, по-другому быть не могло. Коваль примерно даже представляла, кто это мог быть – компаньон покойного Малыша, Иван, которому пришлось признать за ней право на контрольный пакет акций «МБК». «И если это так, то зря он это все затеял – здесь ему не Москва, между прочим, здесь я хозяйка». Осталось только проверить догадку...

С Вороном они расстались около четырех, у Марины как раз оставался час до приезда Хохла в «Парадиз», и она попросила водителя ехать быстрее, чтобы успеть собрать сына и скрыться самой, например, у Беса.

Однако номер не прошел – едва въехав в ворота коттеджа, они уперлись в припаркованный у гаража «навигатор».

– Елки, подсуетился... – пробормотала вполголоса раздосадованная Марина.

Тяжело вздохнув, она вошла в дом и обнаружила в каминной Женьку. Он встал с кресла, где расположился с чашкой кофе и сигаретой, помог ей снять шубку и сапоги. В ответ на удивленный взгляд пояснил:

– Егор спит еще.

– А-а... ну, подожди, скоро встанет, – равнодушно бросила она и пошла наверх.

– Не посидишь со мной? – спросил вслед Хохол, и Марина отрицательно покачала головой, даже не повернувшись.

Она прекрасно знала, что ведет себя неправильно, не надо обострять отношения, но иначе не получалось, ее по-прежнему захлестывала обида. И еще Марина твердо знала, что, стоит ей только позволить Хохлу прикоснуться к ней, она уже не сможет выставить его вон... Она так скучала по нему, было так тяжело ложиться одной в холодную постель, засыпать и просыпаться с сознанием того, что Женьки нет в доме... Но проклятая гордость не давала возможности признать вслух, что она любит его, что ей невыносимо одиноко...

Пока Марина переодевалась в домашние джинсы и футболку, встал Егорка и по привычке притопал к ней, залез на постель и развалился, раскинув ручки в стороны и хитро глядя на мать.

– Что, сыночка? Соскучился? – она прилегла рядом, потрепала его по розовой щечке, поцеловала пухлую ручку. – А знаешь, кто к нам приехал? Папа. Идем?

Взяв его на руки, Марина спустилась в каминную, где, как в гостях, в самом деле сидел Женька. Увидев его, Егор заблажил дурным голосом:

– Па-па! Папуя!

Она подошла к Хохлу и протянула ему сына, собираясь уйти, но он поймал за локоть и смиренно попросил:

– Не убегай, пожалуйста, побудь с нами.

Марина аккуратно высвободила руку, но осталась, села в кресло, отрешенно глядя на огонь в камине. Сын что-то лопотал, Женька делал вид, что понимает, с интересом вслушиваясь в его болтовню, а сам то и дело косил в Маринину сторону. Егорка вцепился в Хохла, совал ему книжку, лежавшую на столике, шлепал по ней ладошкой и смеялся, пытаясь заглянуть в лицо отца. Женька тоже улыбался, но как-то рассеянно и, скорее, Марине, а не сыну. Та же не обращала внимания, смотрела на языки пламени, ласково обнимавшие березовые поленья, и не могла объяснить себе, зачем осталась. Неужели ждала примирения? Или хотела просто побыть рядом с Женькой, одно присутствие которого всегда помогало ей и внушало уверенность? Но тогда почему ей так тяжело находиться в одной комнате с ним? Ответа на свои вопросы Марина так и не нашла, вздохнула в очередной раз и потянулась за сигаретами. Хохол тут же поднес зажигалку.

- Ты хотел куда-то его взять? – спросила она, не поднимая глаз.
- А ты хочешь, чтобы я уехал? – усаживая на колено Егорку, отозвался он.
- Мне все равно, просто спросила, – произнесла Марина, глядя мимо него.
- Может, поедem вместе? Просто погуляем по лесу, – предложил Женька.
- Не май месяц.
- Ну и что? Мы ненадолго. Поедем, пожалуйста.

Сама не понимая, как и зачем, она согласилась и пошла одеваться, успев заметить, как торжествующе улыбнулся Хохол.

Поехали втроем, Женька попросил Марину не брать охрану, и она снова поддалась. Видимо, подсознательно сама хотела остаться с ним наедине, без посторонних глаз. Пусть даже это глаза ее собственной и привыкшей ко всему охраны.

Они медленно брели по голому лесу; Марина все время смотрела под ноги, поддевая то и дело носком сапога замерзшие ветки. Егорка ковылял чуть впереди, а Женька в распахнутой дубленке шел рядом с Коваль и молчал так обреченно, что ей вдруг стало его жаль. Дотянувшись, она взяла его под руку, и Хохол вздрогнул, удивленно уставившись на нее.

- Что? – поинтересовалась Марина, глядя снизу вверх.
- Нет... ничего.

Его рука накрыла ее тонкую кисть, натянутую в черную лайку перчатки, и Марина даже через этот кожаный барьер почувствовала тепло. Она прекрасно помнила прикосновение этих рук к своему лицу, телу, то, как они гладили ее или сжимали, причиняя боль и оставляя синяки. Сердце заколотилось так, словно собиралось выскочить из груди, а к лицу прилила кровь, Коваль даже сама почувствовала, что краснеет. Хохол уловил ее состояние, остановился и, подняв за подбородок ее голову, поцеловал в губы, а потом крепко прижал к себе, шепча:

- Котенок... девочка... ну хватит, сколько можно? Ведь оба мучаемся... Маринка моя, прости меня, родная... я больше никогда... я ветру не дам на тебя дунуть, любимая моя...
- Женья... я... не могу... – выдохнула она, пытаясь освободиться и ненавидя себя за упрямство. – Это... так не должно быть... так неправильно...

– Я не пущу тебя больше никуда! – решительно заявил Хохол, держа ее за руку и волоча за собой в попытке догнать Егорку, убежавшего довольно далеко. – Ну-ка, стой! Егор, сюда иди!

Но мальчик, оглянувшись, только озорно глянул на отца и еще шустрее заковылял вперед. Помпон на капюшоне его курточки мотался из стороны в сторону, а Егорка хохотал и все бежал, удаляясь от родителей по тропинке.

– Подожди... куда ты меня тащишь? – пыталась вырваться Марина, но из железных Женькиных пальцев еще никто не выворачивался.

Он поймал и Егора, легко вскинул его на согнутый локоть свободной руки и развернулся к машине, устремляясь к ней почти бегом. Усадив обоих на заднее сиденье, Женька прыгнул за руль и рванул с места не хуже Марины, словно торопился на пожар. На ходу он вытащил телефон и набрал какой-то номер:

– Наталья Марковна? Здравствуйте, это Евгений Петрович. Вы ничем не заняты сейчас? Да, я хочу Егора к вам привезти на пару часов – у меня неотложное дело возникло, я не успею его домой отвезти. Можно, да? Спасибо.

Коваль про себя ухмыльнулась: предусмотрительный парень, успел и с няней личные контакты наладить, не поленился, отыскал номер телефона.

У дома Натальи Марковны они оказались буквально через десять минут, Женька вышел, забрал Егора и скрылся с ним в подъезде. Марина же все никак не могла понять, что делает сейчас, почему позволяет Хохлу вот так взять и увезти себя куда-то, не спрашивая согласия. И ведь сидит и покорно ждет, вот что странно! Может, так и должно быть? Может, пора и в самом деле успокоиться и дать Женьке возможность быть мужиком, хозяином? Вдруг так будет лучше?

Показался довольный Женька, сел за руль, закурил и повернулся к ней:

– Ну, поедem ко мне?

Марина промолчала, и Хохол, приняв это за согласие, обрадовался еще сильнее. У подъезда своего дома он припарковал «навигатор», открыл дверку, помогая ей выйти, потом, пере-думав, подхватил на руки, и Коваль не удержалась:

– Боишься, что сбегу?

– Боюсь, – честно признался он, нажимая кнопки кодового замка и открывая дверь подъезда. – От тебя вечно жди подвоха.

Квартиру Женька снял отличную – с евроремонтом, огромной гостиной, просторной кухней и спальней. В чуть приоткрытой двери ванной комнаты виднелась большая черная джакузи, установленная в углу на подиуме.

«Надо же, сдают и такие квартиры... И сколько, интересно, Женька отваливает за это счастье?»

– Нравится интерьерчик? – поинтересовался он, снимая с Марины шубку и присаживаясь на корточки, чтобы стянуть замшевые ботфорты.

– Неплохо. Дорого?

– По деньгам, – не остался в долгу Женька. – Могу себе позволить. Проходи, не стой, как в гостях.

Она уже и забыла, как это – оказаться в съемной квартире, такое было с ней только однажды, когда Коваль встречалась со своим заведующим отделением и женатый Костя, чтобы не вызвать подозрений, снял небольшую квартирку. Там они и встречались два-три раза в неделю. И вот теперь она опять сидит в чужой квартире с любовником... Дежа вю.

Хохол, видимо, предполагал подобное развитие событий, а потому подготовился: текила, оливки, креветки... Марина улыбнулась, глянув на него из-под челки:

– Ну, ты даешь! Знал, что соглашусь?

– Силой бы привез, – абсолютно серьезно ответил он, присаживаясь на подлокотник кресла и запуская руку в ее волосы на затылке. – Я больше не позволю тебе уйти.

Она смотрела ему в глаза и видела, что он не шутит, что настроен вернуть ее и сына, и никто и ничто теперь не заставит его остановиться.

– А если я все-таки не соглашусь?

– Значит, тебе придется убить меня, потому что по-другому ты отсюда не выйдешь, – наклоняясь, чтобы поцеловать ее, сказал Хохол. – Я не для того провел с тобой столько лет, не для того вынес то, что вынес, чтобы теперь потерять из-за глупой выходки с соплячкой. Неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя?

– Жень... а если я тебя не люблю? – Марина смотрела ему в глаза и ждала, хотя ответ знала наизусть. Хохол не разочаровал.

– А мне все равно. Тем более что ты сейчас врешь, – снова и снова целуя ее, пробормотал он. – Возможно, ты не любишь меня так, как любила своего Малыша, но мне это и не нужно, я хочу быть собой, а не заменять кого-то. Котенок, у нас мало времени...

И он долго распинал ее на кровати в спальне, заставляя подчиняться его фантазиям, его рукам, губам. Настоящее безумие, но они не были вместе так долго... Никогда прежде она не скучала по нему и не придавала значения его отлучкам, но, стоило только расстаться на такой долгий срок, как выяснилось, что она может испытывать весьма и весьма сильные эмоции.

Женька распалял ее все сильнее, она и сама удивлялась, а он только улыбался и не останавливался почти ни на секунду.

– Ты меня убила... – выдохнул он наконец, упав на живот поперек постели.

Он тяжело дышал. Столько долгих ночей он мечтал об этой минуте, когда сможет вернуть любимую и быть с ней, обнимать ее, слышать голос, прикасаться. Свершилось...

Марина легла на него сверху, дотянулась губами до уха и прошептала:

– Женька... мне пора...

Хохол медленно перевернулся, стряхнув ее на постель, потом осторожно обнял, поглаживая ручищей по животу:

– Ты серьезно говоришь?

– Да.

– Ну, я так и понял – прощения не будет, – констатировал Женька, отодвигаясь и садясь к спинке кровати. – Ты ни за что не изменишь своего решения, непустишь меня обратно. Ладно, поживем отдельно. А пока будем встречаться здесь.

– Это ты так решил? – удивленно вздернула брови Марина, и он кивнул.

– Да. И так будет.

– И ты думаешь, что я подчинюсь твоему решению, Женечка?

– Думаю, что подчинишься, – подтвердил Хохол, улыбаясь. – Потому что тебе без меня так же плохо, как и мне без тебя.

Марина сначала оторопела от этих слов, а потом расхохоталась и поцеловала его:

– Ты мерзкий шантажист! Как же ты прав сейчас, даже не представляешь! Но ты ведь прекрасно знаешь, что я не позволю тебе распоряжаться мною. – Она встала, взяла лежавший на стуле Женькин халат, завернулась в него и пошла в ванную.

«Ничего себе, разработал сценарий! Я, значит, должна подчиниться и выполнить его условия, иначе никак! Выдвигая подобные требования, он не подумал о том, что я не из тех, с кем это проходит. И я ни за что никому, а тем более ему, не признаюсь, что мне плохо. И условия всегда диктую только я, и по-другому не будет».

Вернувшись из ванной, Марина начала одеваться, стараясь не смотреть на по-прежнему лежащего Женьку.

– Уже уходишь? – в его голосе послышалась насмешка.

– Да.

– Ну, тогда подожди, я же не расплатился за услуги.

Она дернулась, как от удара хлыстом, а Хохол с совершенно серьезным видом порылся в кармане джинсов и протянул ей пятьсот долларов. Коваль взяла деньги, скомкала и швырнула ему в лицо, повернулась на каблучке, собираясь уйти, но он догнал ее, схватил, выкручивая руки, и впился в губы. Как она ни была зла и рассержена, но не ответить на его поцелуй просто не могла, застонала, забрасывая ногу ему на бедро.

– Продолжим? Ты ведь уже не торопишься домой, моя сладкая? – прошептал он, сдирая с нее свитер и расстегивая лифчик. – Я так люблю тебя, такую...

И все повторилось снова, только с еще большей страстью, как будто эта Женькина выходка только подстегнула их.

– Черт... пятьсот – мало... – прохрипел Хохол, сжимая рукой ее грудь. – Ты меня разоришь... Да-а... ты просто нечто... За что ты выгнала меня, Маринка? – вдруг спросил он, нависая над ней. – Неужели из-за этой беспонтовой курицы? Это непохоже на тебя, моя красавица.

– Женька... давай не будем говорить об этом. – Марина закрыла глаза, прислушиваясь к тому, как его рука поглаживает ее плечо, шею, спускается к груди. – Мне так хорошо сейчас, я не желаю ни о чем думать...

– Тогда давай просто помиримся и перестанем изводить друг друга.

– Поцелуй меня... – она притянула его голову к своей груди, чувствуя, как Женькины губы бродят по телу, целуя его. – Да... еще, родной...

«...Интересно, как долго можно вот так любить друг друга?..»

* * *

И все же она уехала. А ему запретила даже подниматься на крыльцо, потому что знала: не удержится, оставит... Приняв у Хохла сонного Егорку, Марина, чтобы не видела охрана, на мгновение прижалась губами к Женькиной щеке и прошептала:

– Не обижайся, родной... Ты позвони мне, как приедешь, хорошо?

Женька кивнул и пошел к машине, а она поднялась в детскую, раздела сына и уложила его в кровать.

Подождав, пока он совсем уснет, пошла к себе, крикнув Даше, чтобы принесла ей чай в спальню. Переодеваясь в гардеробной в халат, Марина заметила синяк, красовавшийся на груди, и усмехнулась: Хохол в своем репертуаре. Пробежалась по отпечатку Женькиных губ пальцами, испытывая странное удовлетворение от болезненного ощущения. Это всегда удивляло ее – по всему выходило, что она должна бояться боли и испытывать страх перед ней, а Марина, наоборот, ловила кайф.

Она уже лежала в постели под одеялом и смотрела новости, когда позвонил Женька:

– Ты еще не спишь, котенок?

– Нет, смотрю телевизор.

– А я лежу мордой в подушку – она тобой пахнет, – признался он. – Я помню этот запах – ты никогда не меняешь духи, сколько лет тебя знаю, столько их и помню. И от этого запаха у меня внутри все в клубок сворачивается. Что на тебе сейчас надето?

– Ничего, – улыбнулась Коваль. – Кроме огромного синяка на груди...

– О-о! – застонал Хохол. – Я сейчас приеду...

– И думать не смей! Не пущу! – абсолютно серьезно заявила она, заворачиваясь в одеяло.

– Слушай, давно хочу спросить, – вдруг совершенно другим тоном заговорил Женька. – А с Вороном-то что у тебя?

Марина расхохоталась, поняв, что этот вопрос мучает ревнивого Женю все то время, что он живет отдельно. Он прекрасно знал ее и ее привычки, а также то, что Коваль очень быстро находит замену любовникам. Но с Вороном была отдельная песня: она его абсолютно не привлекала, это был один из немногочисленных случаев, когда мужику ничего не надо было от Марины, кроме бизнеса. Все это она честно выложила Женьке, но он, кажется, не поверил и не успокоился. Ну ничего, пусть побудет в тонусе, это полезно. Попрошавшись, Коваль положила трубку и улеглась, плотнее закутываясь в одеяло.

* * *

– ...Мама... мама... – В самое ухо щекотно дышали, и Марина открыла глаза, обнаружив под одеялом прижавшегося к ее боку Егорку.

– Привет, родной! – она поцеловала его в нос и потрепала по щеке. – Ты давно тут лежишь?

Егорка не ответил, обнял мать за шею и спрятал свою мордочку в ее волосах. Они еще немного повалялись, обнявшись, а потом Марина решительно откинула одеяло и понесла Егора в ванную.

– Мама – плюх, плюх! – Он тянул руки, и Коваль поняла, что ей сейчас придется обливать его холодной водой, как Женька приучил.

Со вздохом сняв с полки ведро, Марина набрала воды, поставила Егорку в ванну и опрокинула содержимое ведра сверху. Сын заверещал, довольный, что утро началось так, как он привык.

– Ну, беги отсюда, я в душ! – она надела на Егорку теплый халат, слегка шлепнула по попе и, выставив за дверь, зашла в душевую кабину и включила воду.

Коваль уже досушивала феном волосы, когда в дверь спальни осторожно постучала Даша:

– Марина Викторовна, доброе утро! Там к вам тренер этот приехал... имя все не выговорю...

– Младич? – удивилась Марина, выключая фен. – Ну, скажи, пусть ждет, я сейчас.

«Ты смотри, приехал-таки! А ведь еще неделю назад, вернувшись со сборов в Испании, пытался меня убедить, что решил не подписывать контракт и поискать себе другое место работы. Я ж еще тогда сказала Комбару, что с таких дурных денег умные люди не спрыгивают. А Младич не дурак, ох не дурак, и прекрасно все понимает. А выставлялся только с единственной целью – набить себе цену. Хорошо же...»

Матвей, правда, не разделял ее оптимизма и все убеждал поискать на всякий случай замену, но Коваль не собиралась делать этого, и вот оказалась права – Младич приехал.

Чуть тронув тушью ресницы и натянув джинсы и майку, она спустилась в гостиную. Даша уже подала кофе и свежие, только что из духовки, слоеные «языки», и Марина поморщилась: ведь знает, что хозяйка с утра ничего не ест, а от ее плюшек отказаться не в состоянии, значит, пару штук отведает, и потом будет страдать от боли в желудке.

– Даша! Я же просила! – укоризненно проговорила Коваль, садясь в кресло.

– Марина Викторовна, так вы сильно не налегайте, а от одной ничего не будет, – заявила Дарья, наливая ей кофе. – Вот и господин...

– Да зовите меня просто Мирко, так будет удобнее, – вклинился Младич, удивленный тем, что Марина никак не отреагировала на его приветствие.

– Да, Мирко... и он тоже позавтракает, – закончила Даша, выходя из гостиной.

Порой домработница забывала, кто она, и начинала играть роль мамыши, донимая хозяйку любовью и заботой. Иногда это Марине нравилось, но в моменты, когда в доме были посторонние, она просто из себя выходила от Дашиного «материнского» внимания и тона.

– Ты даже не поздоровалась, – заметил Младич, с обидой глядя на Марину.

Коваль взяла с подноса пачку сигарет, демонстративно закурила, прекрасно зная, что табачного дыма и курящих женщин Мирко не выносит. Ничего, для президента придется сделать исключение. Он поморщился, но вслух ничего не сказал.

Докулив, она принялась за кофе со слойкой.

– Чего сидишь, присоединяйся, – предложила, как ни в чем не бывало, и Младич осторожно поднял с блюда свою чашку. – Смотрю, ты все-таки решил одуматься?

– В смысле? – морщась от обжигающего напитка, переспросил он.

– А в том самом смысле, что приехал ко мне, а не стал искать счастья где-нибудь в другом месте. Молодец, голова работает.

Младич вдруг засмеялся, откинувшись на спинку кресла, а потом, отсмеявшись, серьезно посмотрел на Марину:

– Ты думаешь, мне жить надоело? Неужели ты считаешь, что Корлеоне настолько глуп, что не просчитал, чем может обернуться отказ?

– Да? И чем, если не секрет? – поинтересовалась она невинным тоном, делая вид, что рассматривает свой идеальный маникюр.

– Слушай, ну, хватит уже! – попросил Младич. – Я ведь не слеп и не глух.

– Это хорошо. И, поскольку ты не глух... – Коваль неожиданно наклонилась и взяла его за галстук, притягивая к себе, а потом зашипела в самое лицо: – Так вот, раз ты не глух, услышь меня – никогда не пробуй больше испытывать мое терпение, ты понял? У меня очень слабые нервы, я легко выхожу из себя и потому запросто могу что-нибудь этакое выкинуть! Больше никаких разговоров про отъезд, ты понял?! – Она разжала пальцы и приняла ту же непринужденную позу, в которой сидела до этого.

Младич был в шоке, хотя пора бы уже и привыкнуть к непредсказуемым выходкам своего президента. Марина наблюдала за тем, как он приходит в себя, и на какую-то секунду ей даже стало стыдно, но потом она успокоила восставшую совесть: Младич сам виноват – не надо было заводить разговоров об уходе из команды.

– Мирко, – заговорила она уже абсолютно другим тоном. – Так когда мы планируем подписание контрактов с игроками? Период заявки заканчивается...

– Да-да... а Николай Дмитриевич когда вернется? А то без директора клуба как-то...

«Ну понятно – с молодым Колькой тебе проще решать вопросы, чем с его взбалмошной тетушкой!» – усмехнулась про себя Марина, но вопрос о возвращении Николая был до сих пор открыт, и она не знала, приедет ли племянник вообще. Да еще после того, что произошло между ней и ее братом...

– Я не думаю, что это такой принципиальный момент – присутствие директора клуба. Контракт заключается между президентом и игроком, а я здесь, слава богу. Начальник команды тоже имеется. Так что, думаю, завтра и подпишем, – подытожила она, чтобы снять все вопросы. – У тебя еще что-то ко мне? С жильем все в порядке?

– Да, нормально. Послезавтра жена прилетает.

– Насовсем?

– Нет, на месяц пока, а там видно будет, – неопределенно ответил Младич. – Я поеду, пожалуй. – И он встал, отряхивая несуществующие пылинки с идеально отглаженных брюк. – Значит, увидимся завтра в офисе?

– Да, увидимся. Даша, проводи Мирослава Йожефовича!

Марина поднялась в детскую, обнаружив там Наталью Марковну и Егора, занятых чтением книжки. Егорка то и дело закрывал ладошками личико, делая вид, что ему смешно, а няня посмеивалась, наблюдая за потешными гримасками.

– Добрый день, Марина Викторовна, – приветливо улыбнулась она, заметив в дверях привалившуюся к косяку Марину. – Мы решили про репку почитать, заодно успокоиться немного, а то расшалились что-то, да, Егор?

Но Егор уже не слушал ее, затаскивая мать в комнату и дергая за руку, чтобы села на пол. Она подчинилась, и сын тотчас забрался к ней на колени, целуя в щеки.

– Соскучился уже?

– Надо же, как он к вам прилипает! Видимо, потому, что редко с вами бывает, – сказала Наталья Марковна, закрывая книжку и поднимаясь со стульчика.

– Это есть, – виновато проговорила Марина, обнимая Егорку. – Бизнес такой – все время в разъездах...

Няня сочувственно кивнула, но, кажется, не особо удовлетворилась этим объяснением. Видимо, считала, что мать должна больше времени уделять собственному чаду. А с другой стороны – не будь вечно занятых мамочек, что делали бы такие, как Наталья Марковна, вышедшие на пенсию или просто недовольные своими бюджетными заработками учительницы, воспита-

тели и прочие? Так что нечего морализировать. Марина платила деньги и не желала выслушивать нотации.

Она поставила Егорку на ножки, поправила его штанишки и рубашку и подтолкнула его к игрушкам. Он подхватил любимого медвежонка и потащил к машинке, а Коваль обратилась к няне:

– Наталья Марковна, вы занимаетесь с ним чем-нибудь, кроме чтения и прогулок?

– Марина Викторовна, Егор еще слишком мал, чтобы заниматься с ним чем-то, кроме игр, – терпеливо объяснила она, вертя в руках какого-то робота. – Ну, мы, разумеется, учим цвета, слова какие– то, я пробую его разговорить, но это, я вас уверяю, само придет. И заговорит он тогда, когда сам сочтет необходимым, тем более что звуки издает, и слова даже произносит.

– Ну, вы меня успокоили, – пробормотала Марина. – А то мы с Евгением Петровичем уже волноваться стали: пять слов, и все.

– А Евгений Петрович не живет здесь? – вдруг поинтересовалась няня, и Коваль нахмурилась.

– Наталья Марковна, вы меня извините, конечно, но в мою личную жизнь обычно совать нос не принято! – высказавшись, она встала и вышла, оставив няню с открытым ртом.

«Блин, удалось же ей испортить мне настроение! Способная тетка...»

С няней отношения как-то не заладились. Вроде бы и выполняла она все, что требовалось, и с Егоркой была ласковой и улыбчивой, мальчик к ней быстро привязался, но... Марина чувствовала, что няня относится к обитателям дома настороженно и даже неприязненно. На это можно было бы закрыть глаза, заботясь о спокойствии ребенка, но Наталья Марковна вдруг начала позволять себе высказывания вроде того, что вырвалось сегодня. Коваль терпеть не могла, когда кто-то извне совал нос в ее личную жизнь, этого не делала даже Даша, работавшая в доме много лет. Но уволить няню сейчас означало опять нажить себе проблем – с кем и как оставлять ребенка. Разумеется, можно возложить эту ответственность на кого-то из охранников, но ведь это не выход. С мальчиком нужно заниматься, а не тупо играть в машинки, ему нужно читать, с ним нужно рисовать, разговаривать... Нет, определенно, здесь не годился даже Сева, в обязанности которого с недавних пор входила охрана Егорки, если они с няней отправлялись куда-то за пределы поселка. Значит, выхода нет – придется терпеть, а если еще раз няня полезет не в свое дело, просто оборвать ее – грубо и резко. Если не глупая, то поймет.

* * *

...Хохол позвонил, когда Марина нежилась в джакузи. Егорка спал, уложенный в ее спальне, а она расслаблялась в горячей воде, кайфуя со стаканом текилы и сигаретой.

– Алло! – томно выдохнула Коваль, откинув крышку мобильного.

– Привет, моя радость, – проговорил Женька, и Марина вдруг так остро захотела увидеть его... – Чем занимаешься?

– Лежу в джакузи и пью текилу, – честно призналась она, затягиваясь сигаретой, и Женька захохотал:

– Ах ты, хулиганка! В одного?

– Как ты можешь? – «оскорблено» ответила Марина, погружаясь в воду по самый подбородок. – Я девушка приличная, разумеется, в одного!

Он промолчал, и Коваль вдруг ясно представила себе его лицо: брови, сошедшие к переносице, серые прищуренные глаза, твердые губы, сложенные в хищной ухмылке. Она не западала на записных красавчиков, ей нравились такие, как Хохол, – скорее похожие на зверей, чем на людей. Да и жесткость привлекала, неуступчивость – потому что Коваль прекрасно

осознавала свою силу и власть, ей интереснее было сломать именно такого человека, заставить его подчиняться.

– Котенок, я так хотел бы быть с тобой... – признался Женька таким голосом, что она едва не завопила что-нибудь типа «приезжай немедленно». – Маринка, ты скоро наиграешься в принципы, а?

– Боишься засохнуть?

– Боюсь не выдержать, приехать и так тебя загасить, чтоб не встала потом! – не остался в долгу Хохол, и она даже застонала от воображаемой картины.

Атмосфера накалялась, Марина поняла, что еще пара фраз – и она разрешит ему приехать, а делать этого нельзя, надо заставить помучиться, чтоб не забывал, с кем имеет дело.

– Ты новость слышал? – Она быстренько перевела разговор на безопасную тему. – Бес с Веткой женятся.

– Тоже мне – новость! – фыркнул Женька. – Мне тоже приглашение привезли. Посмеяться хочешь? На два рыла!

– Вот сучка! – ахнула Коваль, выныривая из воды. – А я?!

Женька захохотал, довольный тем, что удалось ее зацепить:

– Расслабься, я пошутил. Вот, читаю: «Марина Викторовна и Евгений Петрович, имеем удовольствие пригласить вас... и бла–бла-бла. Подпись – «Григорий и Виола». Успокойся. Так может, я приеду? – как бы между делом вставил он, и Марина все–таки попалась, расслабленная теплой водой и текилой.

– Да... – А когда спохватилась, было уже поздно: трубка издавала только сиротливое попискивание, Женькин номер не отвечал – предусмотрительный Хохол мгновенно отключился.

Она, конечно, могла просто не впустить его, дать приказ охране на воротах и заставить настырного любовника уехать, но...

– Черт, как же все сложно-то у меня, зачем я так обостряю? – произнеся эту фразу вслух, Марина выбралась из джакузи и взялась за фен, начиная сушить волосы.

* * *

К приезду Женьки она подготовилась на все сто, перенеся Егорку в детскую и облачившись в любимый наряд любовника – ярко–красное платье и босоножки на тонкой прозрачной шпильке. Макияж делать не стала, только губы накрасила красной помадой, от чего стала похожа на напившуюся крови вампиришу. Распустив по плечам еще влажные волосы и нанеся на шею и запястья несколько капель египетского масла, Коваль уселась в каминной, не забыв прихватить тонкий хлыст.

Женька задерживался, Марина уже нервничала, выкурила штук пять сигарет и попыталась успокоить нервы стаканчиком испытанного средства. Хохла все не было, и в голове у Коваль уже пронеслась пакостная мыслишка о том, что он ее просто-напросто развел, заставил согласиться, заставил ждать и нервничать, а сам сейчас преспокойно сидит дома и кайфует от того, что смог-таки уесть стервозную любовницу. «Ну, это тебе просто так не пройдет!» – распаляясь все сильнее, подумала Марина, раздувая ноздри и начиная вынашивать план мести коварному Хохлу.

Но вот наконец услышала знакомый рев мотора «навигатора», лай собак и громкий Женькин крик:

– А ну, заразы, на место все! Поразвели здесь свору, ни пройти ни проехать – с ног сбивают!

Вот уже и дверь входная открылась, и такие знакомые шаги... Сердце заколотилось сильнее в предвкушении, и по телу пробежала волна непонятной дрожи. «Господи, ну где он там застрял?»

Женька вошел в каминную с таким огромным букетом хризантем, что Коваль поняла: объехал все ларьки города, собрал все цветы, имевшиеся в наличии.

– Ой, мамочка... – только и смогла выдохнуть она, взирая на это великолепие.

– И это все, что ты скажешь? – улыбнулся Женька.

К сожалению, цветов было слишком много, и они посыпались на пол, устилая весь ковер вокруг кресла. Хохол сходил на кухню, нашел там ведро и поставил в него букет, водрузив импровизированную вазу в угол каминной. Марина наблюдала за ним, покусывая кончик хлыста, и Женька словно только что заметил и ее наряд, и весь антураж:

– Ого! Подготовилась?

– Нравится? – игриво спросила она, не выпуская хлыст из зубов.

– Очень... – он опустился на колени и провел губами по ее ноге, неотрывно глядя в глаза.

Коваль чуть приподняла его голову за подбородок кончиком хлыста и облизнулась:

– Раздевайся...

– Здесь? – удивился он и тут же получил по спине:

– Молчать! Раздеваться!

Хохол подчинился, скидывая куртку и свитер.

– Дальше!

– Котенок... давай в спальне, а?

– Молчать! Я выбираю, где и что делать!

Этого Хохол уже не вынес, просто сгреб ее из кресла, закинул себе на плечо и понес наверх, в спальню, не обращая внимания на вопли и удары. Все, что угодно, он мог стерпеть, но только не главенство в постели – это была его привилегия, и пользовался он ею от души...

* * *

– Отпусти меня... – простонала Марина, пытаясь увидеть, что еще придумал обалдевший от безраздельной власти над не сопротивляющимся телом Женька, но поза была неудобной.

– Устала?

– Пить хочу – все пересохло...

Он сходил вниз и принес минералку, отвинтил крышечку и поднес бутылку к ее губам. Холодная влага заполнила рот, потекла по шее, освежая. Марина не могла оторваться от бутылки, но Женька отнял и стал целовать влажные от минералки губы. Коваль закрыла глаза, снова оказываясь в его власти, но он уже наигрался, а потому просто ласкал, заставляя постанывать и вздрагивать от наслаждения под его руками.

– Жень... я люблю тебя... – пробормотала она в экстазе, и Хохол, усмехнувшись чуть приметно, прошептал:

– И я, моя родная, и я люблю тебя... больше жизни люблю...

– Ну, это ты загнул, – вдруг совершенно трезвым голосом сказала Коваль, и Женька дернулся от неожиданности. – Про «больше жизни».

Хохол зло уставился на нее и уже собрался заорать, но она закрыла ему рот рукой:

– Помолчи. Нет ничего и никого, что бы человек мог любить больше жизни. Я это знаю, Женька... когда я сидела в подвале у Беса, то постоянно думала о том, как глупо поступила, не согласившись на условия Кадета. Всякий раз, когда этот придурок Кочан спускался, чтобы в очередной раз постараться кулаками убедить меня подписать необходимые Кадету бумаги, я думала только о том, что очень хочу жить, так хочу, что сердце заходится. И еще о тебе и о Егорке все время думала – как вы без меня останетесь, если что?

Женька отвел ее руку ото рта и попросил:

– Прекрати. Не смей даже думать об этом! Я не могу представить, что тебя вдруг не будет. Зачем тогда жить?

– Все... давай прекратим панихиду, а? – попросила Марина, сворачиваясь калачиком у него под рукой. – Я устала...

И еще об одном она подумала. О том, как завтра обрадовался бы Егорка, увидев в спальне не только маму...

Но все же справилась с собой и рано утром выставила полусонного Женьку из дома до того, как проснулся сын. Хохол пытался сопротивляться, однако Марина не слушала его возражений и протестов, толкала вниз по лестнице, не зло, но решительно.

– Мариш... ну чего ты, а? – бормотал Женька, слегка растерявшийся от ее молчаливого натиска. – Ну куда в такую рань-то? Еще и глаз не продрал, куда ты меня пихаешь-то?

Но Коваль осталась непреклонна и только уже у открытых ворот вдруг распахнула дверку джипа и поцеловала Хохла в губы, став буквально на секунды беззащитной и хрупкой женщиной, а не привычной для всех железной Наковальной. Женька понял, что еще совсем немного, чуть-чуть – и она сдастся. Ему осталось только подождать и дать ей возможность самой решить, когда и как он должен вернуться.

Он спокойно вывел машину за ворота коттеджа и потихоньку поехал в сторону города. Все тело сладко ныло от воспоминаний о прошедшей ночи, и Хохол непроизвольно улыбнулся. Поднеся к лицу руку, уловил знакомый тонкий запах духов – сколько Женька знал Коваль, столько она пользовалась именно этими. Большой голубой флакон без надписей, похожий на хрустальную ракушку, стоял на туалетном столике. Эта странная привычка его удивляла. Марина, такая непредсказуемая, взбалмошная и порывистая, проявляла в чем-то удивительное постоянство. Да и вообще в последнее время в ней что-то стало меняться. Возможно, появление ребенка так подействовало, и в характере негибкой Наковальной появилось нечто похожее на женщину. Хохла эти перемены радовали. Если бы еще при этом она пустила его обратно...

* * *

– ...Что, так за ум и не взялась? – спросил Марину примерно через неделю после этого Бес, когда они прогуливались в лесочке за поселком. Впереди и сзади на почтительном расстоянии шли охранники – такой вот интим.

– Ты о чем? – Коваль вынула неизменные сигареты, закурила, прищурившись и глядя в совсем уже по-весеннему голубое небо.

– Я? Да все о том же. О Хохле твоём. Обратно так и не пустила?

Она промолчала, не желая обсуждать с Гришкой свою жизнь, тем более что позвал он ее на прогулку совсем не за этим.

Накануне Гришка получил странное письмо, в котором некто сообщал, что за определенную сумму может указать Бесу того, кто «заказал» его. Обсудить это радостное событие Григорий решил с Мариной, ну а с кем еще – как-никак, родня, да и правая рука в делах. Она понимала и разделяла его опасения и чувства – в пятницу должна состояться свадьба, а тут такая информация. По собственному опыту Коваль хорошо знала, чем может закончиться такое невинное мероприятие, как бракосочетание, для людей их с Бесом круга. Ее собственная первая брачная ночь состоялась только через три с лишним месяца после регистрации брака...

– Как думаешь, это на самом деле что-то стоящее, или так – фуфло с целью бабла поднять? – поинтересовался Гришка, поддев ногой какую-то корягу.

– Даже не знаю... проверить надо, потом уж думать.

– Может, нам свадьбу где-нибудь в другом месте организовать?

– Гриш, ты ж не хуже моего понимаешь: если это «заказ», тебя везде достанут.

Марина взяла его под руку, и Гришка кисло усмехнулся:

– Ну, успокоила! Лучше бы посоветовала, что делать.

– Я откуда знаю? – огрызнулась Коваль не совсем почтительно. – Ну, встретиться с этим информатором!

– А вдруг это подстава? – с сомнением спросил Бес, и Марина совсем разозлилась:

– Ты меня удивляешь! Есть поговорка: «Зубов бояться...» Дальше рассказать или сам додумаешься?

– Сам, – засмеялся Гришка. – А ты не дашь мне кого-нибудь из своих?

– Зачем?

– Ну, ты ж видела моих дегенератов... Они ж, чуть что, сразу за волыны хватаются! – развел руками Бес.

Коваль задумалась: что-то не понравилось ей в этом предложении, но что именно, понять она не могла. Давать Бесу своих пацанов тоже не хотелось, она очень привязывалась к людям, пробывшим возле нее много лет, считала их родными. Теперь нужно было как-то грамотно мотивировать отказ, чтобы и Беса не обидеть, и самой выкрутиться. Но делать этого не пришлось – позвонил Ворон. Бес нетерпеливо махнул Марине, чтобы отошла и не мешала разговаривать, и Коваль удалилась метра на три. По мрачнейшему лицу Гришки она догадалась, что Ворон позвонил не о здоровье поболтать, сказав явно нечто неприятное. Бес убрал трубку в карман и выразительно посмотрел на Марину:

– Ну-ка, звони домой.

– Зачем?

– Звони-звони. А то тут Мишаня мне любопытную байку прогнал – ему тоже письмишко пришло с предложением встретиться и обсудить «заказ» на него. Так что не кобенясь мне тут – звони, сказал!

Она позвонила. У нее дома все было спокойно.

– Странно, не находишь? – протянул Бес тоном, не предвещающим ничего хорошего.

– Это ты к чему? – подозрительно спросила Коваль, хотя и сама уже обо всем догадалась.

– А к тому – не ты ли, а?

Марина не на шутку завелась: неужели она так похожа на идиотку, чтобы заказать своего компаньона и своего родственника? И потом что делать? В городе начнется анархия, потому что одна Коваль ни за что не удержит все на том уровне, который имеется сейчас и делает город вполне благополучным местом. Появятся банды отморожков, они непременно попытаются взять город и регион под свой контроль. Снова кровь, резня, стрельба и горы трупов – это уже проходили, еще при Мاستифе. И подумать о том, что Марина может начать все это... Определенно, Бес лампочку стряхнул!

Пока Коваль кипела праведным гневом, Гришка внимательно наблюдал за ней, а потом изрек, прервав ее тираду:

– Или ты действительно не при делах, или ты такая классная актриса, что ни один мускул не дрогнул.

– Ты дурак! – снова взвинтилась она. – Мне в первую очередь это невыгодно! Пока мы контролируем весь регион, я сплю спокойно, зная, что чужих нет! А если вас не будет – я что делать буду? У меня ребенок!

– Ты говоришь, как кассирша из супермаркета, – усмехнулся Гришка.

Она затопала ногами, чувствуя, что сейчас не выдержит и покроет Беса матом, не стесняясь ни своей, ни его охраны:

– Да мне равно! Я не о вас, я о Егоре должна думать! И мне меньше всех нужно, чтобы опять начался передел территории, я слишком хорошо знаю, как это бывает! Это ты явился

сюда на все готовое, и единственное, что тебе пришлось сделать, так это Бурого завалить, и то ты через меня действовал! Мою голову подставил!

– Да не ори ты, в ушах звенит! – приказал он, хватая ее за руку. – Разберемся!

– Разберешься ты! – вырвалась Марина, снова доставая сигареты.

Закурив, она пошла вперед, оставив всю компанию стоять на полянке. За ней моментально двинулись охранники, а следом поспешил и родственник, догадавшийся, что дело, похоже, все– таки не в Наковальне – иначе с чего бы ей так реагировать? Да и вряд ли неглупая баба стала бы поручать такое тонкое дело кому– то со стороны, у нее всегда имелись свои специалисты, да и Жека Хохол взял бы дело на себя, скорее всего. Бес нагнал Марину и взял за рукав, но она вырвалась.

– Ладно-ладно! – примирительно заговорил он. – Поедем, посидим где-нибудь!

– Не хочу!

– А я сказал – поехали! – повысил голос Гришка, и Марина была вынуждена подчиниться.

Они направились к Ворону в «Матросскую тишину», предварительно позвонив и предупредив, что едут. Мишка понял все, как надо – в кабаке лишних не было, кроме того, за центральным бильярдным столом обнаружился Хохол в компании вороновских охранников.

– Привет, дорогой! – она села на край стола и обняла Женьку за талию.

– Привет, – он мимоходом чмокнул ее в нос и поставил на пол. – Погоди пять секунд, я только Кунгура под орех разделаю.

С этими словами Женька изогнулся и, прищурив левый глаз, отправил шар в лузу:

– Готово дело. Что, Кунгур, ваши не пляшут? Гони бабки.

– Все, Хохол, я с тобой больше не катаю! Развел опять!

Кунгур вздохнул и полез в карман, отсчитал энную сумму и протянул Женьке. Хохол невозмутимо спрятал выигрыш в карман и повернулся к Марине:

– Ну, вот теперь здравствуй, дорогая!

Он подхватил ее на руки и поцеловал в губы, не обращая внимания на окружающих. Бес осуждающе покачал головой, но промолчал. Женька усадил Коваль за стол и заботливо поинтересовался, не собирается ли она поесть. Марина посмотрела на него с удивлением можно подумать, он не знал, что она ни при каких условиях не ест на чужой «точке».

– Ты не бойся, я сам приготовлю. Он выглядел абсолютно серьезным, и она усмехнулась:

– Ты с Вороном договорись, а то вдруг ему новый шеф-повар не нужен?

– Да почему же? – пожал плечами сидящий тут же Ворон. – Рискни, Хохол, раз твоя дама моей кухней брезгует.

– Да не в том дело... – начала Марина, но он перебил:

– Так, все, хорош оправдываться! Пусть идет и делает все, что хочет, а мы пока о делах поговорим.

Ох, не понравилось Хохлу это высказывание... Но он удалился на кухню, оставив Марину в милом обществе. Бес сделал величественную морду и уселся во главе стола, прямо как король на троне, а Коваль с Вороном – по краям, «согласно купленным билетам»: она справа, он слева. Субординация, как в армии...

– А что ж мы Ашота не позвали? – поинтересовалась Марина.

Ашот – новый «шах» местных кавказцев – добился-таки своего, совсем недавно Бес принял его с глазу на глаз, составил ему протекцию, помог короноваться и потом единолично ввел в круг. В обход пошел, не сказав ни слова. Ворон и Коваль, разумеется, смолчали, но Ворон затаил злобу – это было против всего. Лицо его скривилось в гримасе отвращения:

– Наковальня, зачем завела базар этот? Ты ведь знаешь, Ашот – из «апельсинов», я с таким за один стол не сяду.

«Апельсины» – коронованные не по «закону», а за деньги, и Ворон прав, но тогда выходило, что и Марина здесь совершенно не по праву. Хотя по этому вопросу все уже давно

утрачено, еще при Строгаче, и больше никто не возникал – привыкли. Кроме всего, именно Марина в свое время заочно настроила Ворона против новоявленного соратника, чтобы иметь поддержку в случае чего. Ходили упорные слухи, что Ашот, дальний родственник покойного Мамеда, убитого еще по приказу Малыша, поклялся отомстить гонористой Наковальне за его гибель, а заодно и за то, что все бывшие «подкрышные» автосервисы мамедовской бригады подмял под себя ее любовник Жека Хохол. Воевать с молодым горцем в одиночку, да еще имея на руках маленького ребенка, Коваль не решилась, а потому, грамотно воспользовалась случайно полученной информацией о готовящейся коронации Ашота за деньги, и сумела правильно преподнести это Ворону, придерживавшемуся старых порядков. Вот и сегодня, каким-то внутренним чутьем определив, что Ашот все-таки может появиться здесь, Марина невинным по сути вопросом привела Ворона в, так сказать, боевую готовность.

Бесу, разумеется, не понравилось, что Ворон посмел высказаться в таком пренебрежительном тоне о его протее – он гневно сверкнул глазами и в двух словах объяснил, насколько они оба неправы. Марина фыркнула, а Ворон помрачнел, махнул замершему поодаль официанту и велел принести выпивку и какую-нибудь легкую закуску.

– И лимон порежьте тоненько. Да – оливки есть?

– Есть, Михаил Георгиевич, – почтительно склонился официант.

– Принесешь сюда банку и в моем присутствии откроешь, – приказал Ворон, и Коваль поняла смысл этой выходки: решил показать ей, что с его стороны подвоха ждать не следует.

Через несколько минут официант расставил все на столе, открыл банку испанских оливок, и Ворон демонстративно съел несколько штук. Марина засмеялась:

– Не колоти понты, дорогой!

– А иначе ты надерешься раньше, чем Хохол тебе свое принесет, – парировал тот.

– Придурки... – пробормотал Бес. – Что выделываетесь? Серьезный базар, а вы все играетесь!

– Та-ак! – негромко протянул вдруг Ворон, пристально глядя в сторону входа – там галдели, раздеваясь, какие-то кавказцы. – Не позвали, говоришь?

Это был Ашот собственной персоной, в окружении своих абреков. Наглый молодой хам не считал нужным даже поздороваться, упал на стул напротив Беса и пальцем поманил официанта. Гришка, однако, не оценил такого поведения и недовольно бросил:

– Не зарывался бы ты, джигит! В приличной компании обычно начинают с приветствия.

– Здравствуй, дорогой! – с сильным акцентом проговорил он, игнорируя Марину и Ворона по-прежнему. – Рад видеть тебя.

– А нас, значит, ты не рад видеть? – поинтересовалась Коваль, закулив сигарету, и горец соизволил обратить на нее свое внимание:

– В моем мире принято, чтобы баба молчала и не лезла в мужские дела!

– В своем мире ты будешь жить так, как ты привык, а здесь, будь добр, делай все, как принято у нас.

– Я не стану выслушивать твоих бредней, телка! – огрызнулся он. – И не тебе меня учить и говорить о понятиях! Скажи спасибо, что я вообще сижу с тобой за одним столом!

– Ой, спасибо! – совершенно серьезно сказала Коваль, глядя на него в упор. – Вот счастье-то привалило!

– Наковальня! – предостерегающе глянул Бес, но она проигнорировала.

Из кухни появился в сопровождении Хохла официант с подносом, на котором стояли тарелки с умопомрачительно пахнущими отбивными. Женька как знал – приготовил на всех. Косяк заключался только в одном – это была свинина... Оскорбленный Ашот забормотал на своем языке, брезгливо отодвинул тарелку и злобно глянул на Хохла. Тот пожал плечами:

– Ну, извини, братан, не знал, что и ты здесь!

– Шакал... – в полголоса проговорил Ашот, но Женька услышал.

– Хохол! – предупредила Марина его выпад, и он послушно сел рядом с ней.

Повисло напряженное молчание, все словно ждали подвоха со стороны соседа, только Коваль с Вороном, пожалуй, друг друга не опасались. Хохол исподтишка следил за Ашотом, и было видно, что мстительный Женька ни за что не спустит молодому наглецу эпитета «шакал». Марина незаметно опустила руку под стол и сжала пальцами Женькино колено: мол, прекрати, иначе все осложнишь. Он кивнул, сосредоточился на отбивной, но на Ашота все равно косился. Наконец Бесу, видимо, надоела МХАТовская пауза, и он, отодвинув от себя тарелку, начал:

– Ну, молчать смысла нет, так ничего не выясним... Хохол, иди погуляй, – бросил он Женьке, но тот не двинулся с места, и тогда Гришка посмотрел на Коваль, призывая воздействовать на упертого любовника.

– Выйди, – негромко велела она, и Женька подчинился.

– Так вот, – продолжил Бес, постукивая по столу пальцами, на одном из которых сверкал большой квадратный бриллиант. – Сдается мне, что кто-то начал непонятную игру. Вполне возможно, что этот кто-то сидит сейчас здесь.

«Ну, понеслось! И кого же это имеет в виду мой дорогой родственничек, уж не жену ли своего погибшего брата? Что-то подсказывает, что именно так и обстоит – иначе почему он сидит ко мне вполоборота? Игнор...».

Марина потянулась за сигаретами, но Гришка неожиданно велел:

– Не кури, заколебала!

– Еще чего мне прикажете не делать? – насмешливо поинтересовалась она, но сигареты оставила в покое – зачем дразнить гусей?

Ворон неодобрительно скосился на Беса, но быстро взял себя в руки и потянулся к стакану с минералкой. Ашот достал из кармана агатовые четки и с отсутствующим видом начал перебирать их.

– Что молчите? – спросил Гришка, оглядывая собравшихся. – Наковальня, что скажешь?

Она пожала плечами:

– Я все сказала тебе пару часов назад, больше добавить нечего.

– А подумать?

– Не о чем.

– Понятно... – Бес помолчал, потом обратился к Ворону: – А ты?

– А что – я? Если ты помнишь, мне тоже пришло письмо. Если разрешишь, я скажу, как понимаю. – Ворон бросил неприязненный взгляд на щелкающего четками Ашота, но тот только широко улыбнулся и занятия своего не прекратил. – Не кажется тебе, что эти малявы – подстава?

– Чья?

– Да хоть чья! Того, кому выгодно стравить нас, например, или просто ментовская. Или кто-то что-то не может простить Наковальне... – Снова последовал весьма красноречивый взгляд на Ашота, и Марина поняла, что имеет в виду Мишка.

«Черные братья» до сих пор злобились на нее за Мамеда, хотя она лично никакого отношения к его смерти не имела, это покойный Серега Розан и Хохол с пацанами по приказу Малыша вырезали за ночь почти всех мамедовских. И, между прочим, и сам Мамед был не без греха, убить его у Марины были все основания, ведь именно он подослал к ней киллера и едва не отправил на тот свет. Так что формально все по понятиям, но упрямые и злопамятные горцы затаили злобу. А уж Ашот и вовсе не скрывал, что при удобном случае непременно поквитается.

Ашот, видимо, тоже догадался, к чему клонит Ворон, отбросил четки и вскочил на ноги:

– Отвечай за базар, Ворон! Ты на меня тянешь, что ли?

– А хоть бы и так, – спокойно подтвердил Мишка. – Докажи, что я неправ, и я принесу свои извинения.

– Пошел ты! – заблажил Ашот. – Кто ты, чтобы я оправдывался? И кто такая эта шлюха, чтобы я толковал с ней на равных?

– Следи за собственным базаром! – приказал Бес, поняв, что пора вмешиваться, но Ашота понесло.

Он выскочил из-за стола, сжал кулаки и, сверкая глазами, завопил:

– Да вертел я вас всех! Сидите, понтуетесь! А время ваше кончилось еще в начале девяностых! Кому вы теперь нужны, уголовное дерьмо?! Сейчас мы, молодые, власть забираем, а вы со своими понятиями катитесь к едрене-фене! Захочу сейчас – и только перья от вас останутся! Перемочим, на хрен!

И тут гневная тирада была прервана расколовшимся о его голову стулом – это Хохол не вытерпел, вошел неслышно и отоварил зарвавшегося «апельсина». Ашот мешком упал на пол, на звук удара из холла ввалились шестеро горцев со стволами, но Хохол и это предусмотрел – из кармана появилась финка, которую он приставил к горлу вырубленного Ашота:

– А ну, волыны попрятали! Я кому сказал?! Отрежу башку на фиг пахану вашему! Ну?!

Горцы нерешительно попятились, а Женька заорал:

– Кунгур! Проводи гостей!

Вороновские и бесовские пацаны мигом обыскали карманы гостей, выбросив на пол найденное оружие, потом скрутили всех шестерых и повели к выходу. Ашот в себя так и не пришел, а потому Женька собственноручно отволол его к машине, сдав абрекам.

Когда Хохол вернулся, Коваль вскочила и кинулась к нему, наплевав на всех присутствующих, повисла на шее, и он, подхватив ее под колени, понес обратно к столу, усадил и сам сел рядом, обняв за плечи:

– Ну, что ты? Все нормально, гостей проводили...

– Ну, ты даешь, Хохол! – с некоторым даже уважением произнес Бес. – Ловко отработал!

Женька пожал плечами, потянулся к стакану с минералкой, выпил ее залпом а потом, сжав на Маринином плече пальцы, уставился в лицо Беса и негромко сказал:

– Я никому не позволю касаться моей женщины ни словом, ни, тем более, пальцем. Запомни это, Бес.

Если бы не благодарность за то, что Женька разрулил все быстро и без крови, Гришка, конечно же, не стерпел бы такого поведения от человека, не имевшего права открывать рот без санкции. Но не будь Хохла сегодня, еще поди узнай, чем закончились бы посиделки, а потому Бес промолчал.

– Полезла гниль из твоего крестничка, Бес, – подлил маслица Ворон. – Ведь говорили – не вяжись с молодыми отморозками. Но ты на все за деньги...

– Хватит! – рявкнул Гришка, отшвыривая салфетку. – В мои дела соваться моду взяли! Я в твои лезу? Снимаешь бабло с торгашей своих – вот и снимай, мутите с Наковальной со спортсменами – вот и давай, а меня не учи, где мне деньги поднимать!

– Не надоело ругаться? – поинтересовалась Марина, не выпуская Женькину руку из своей. – Вы теперь прикиньте оба, что начнется, – этот молодой козлик не оставит оскорбление без ответа.

– Так это больше твой головняк, – спокойно ответил Гришка. – Это твой мужик на рожон полез.

Он смотрел на Марину с легкой издевкой: мол, вот ты и влипла опять. Не сама – так любовник подставил, теперь давай расхлебывай, а я не при делах.

– Ага, вот, значит, как ты повернул... – протянула она, сжимая Женькину руку и впинаясь ногтями в запястье так, что Хохол тихонько зашипел. – Значит, это мой головняк, да? Оригинально... А вот если бы ашотовские абреки завалили тут всех к чертовой матери, тогда это чей был бы головняк? Если бы Хохол не вмешался?

Бесу это высказывание не понравилось, он поморщился и покачал головой. А Марине в сердце и в самом деле закралась тревога, и не за себя, за Женьку. Теперь ему нужно быть вдвойне осторожным, иначе... нет, об этом она даже думать не могла, так ей стало страшно...

– Поедем домой! – приказала она, вставая со стула и игнорируя недовольную морду Беса.

Женька подчинился, подал шубу, Коваль, не оборачиваясь, махнула рукой Ворону и Бесу и пошла к двери. Хотелось поскорее на воздух, словно в просторном помещении клуба вдруг резко стало нечем дышать.

Уже в машине она, подняв перегородку, повернулась к Хохлу и обняла его, прижав голову к своей груди.

– Ты чего, котенок? – приглушенным голосом спросил он, не совсем понимая, что с ней происходит.

– Женька... я умоляю тебя – не лезь никуда, я прошу тебя, родной мой, мальчик мой... Женечка...

Ей почему-то вдруг стало казаться, что если Хохол будет все время рядом с ней, то с ним ничего не произойдет, никакая опасность ему не грозит, потому что она, Марина, защитит его уже одним своим присутствием.

Женька осторожно высвободился из ее рук, сам обнял и прошептал на ухо:

– Маришка, не бойся – ничего не случится...

Не успокоил он ее, совсем не успокоил...

– Возвращайся! – решительно велела она. – Едем к тебе, забереешь манатки – и домой!

– Наигралась? – ухмыльнулся он, прижимая ее голову к своей груди и стараясь скрыть охватившее его ликование.

– Наигралась. Хватит.

* * *

Дома ждал сын. Такой родной и трогательный, стоял на лестнице, обхватив ручками резную стойку перил, и наблюдал, как родители раздеваются, как Женька снимает с Марины сапоги, шубу... Она раскинула руки и позвала:

– Егорка, иди ко мне, – И он рванул вниз, повис на ее шее, бормоча под нос:

– Мама... мамуля моя...

Женька зашел в свою комнату, чем-то там брякнул, и Егорка, обернувшись на шум, позвал:

– Папа!

– Сейчас, переоденусь только – и возьму тебя, – отозвался Хохол.

– Пойдем, отпустим Наталью Марковну, пока папа занят, – предложила Марина, и сын согласился, но идти по лестнице ногами отказался.

Няня убирала в детской, расставляла по местам игрушки, аккуратной стопочкой складывала книжки на столе, собирала в коробку карандаши. Увидев хозяйку, она оставила свое занятие и попросила:

– Марина Викторовна, можно мне выходной на завтра? Маме стало хуже...

– Конечно, Наталья Марковна. Оставьте уборку, езжайте домой.

Марина в виде исключения разрешила няне жить у себя дома, так как на ее попечении находилась старенькая, парализованная мать.

– Сейчас распоряжусь, вас отвезут – уже поздно.

* * *

Вечером ее мужчины смотрели телевизор в гостиной, Егорка уютно устроился у Женьки на коленях и тарашил глазенки на экран, наблюдая за мелькающими мультяшными персонажами. Марина села в другое кресло и задумалась, глядя на семейную идилию. Вот ведь жизнь какая: не женщина в их паре обычно боится за мужчину, а наоборот... Вдруг Женька повернулся к ней и произнес:

– Котенок, я тут подумал... давай ремонт сделаем.

– Что?! – Подобное предложение казалось святотатством – для нее все в этом доме было связано с Малышом, здесь была его атмосфера, его вкусы, и вдруг взять и поменять все?! И кто предложил это – ее любовник, которого она и обратно-то пустила из боязни, что его просто-напросто убьют в городе!

– А что? Ты из дома музей-заповедник сделаешь? – поинтересовался Хохол спокойно.

– Не заикайся больше об этом, – тихо отрезала Коваль, заметив, как внимательно наблюдает за ними Егорка.

Хохол пожал плечами и снова отвернулся к телевизору, но по его плотно сжатым губам Марина поняла, что сердится. Но она не могла и не хотела ничего менять, словно перемены означали бы предательство по отношению к погибшему мужу. Она боялась разрушить ауру этого дома, боялась изменить хоть что-то в мебели, в обстановке. И вместе с тем понимала Женьку – ему хотелось привнести сюда что-то свое, чтобы и его присутствие здесь было чем-то подкреплено, намекало на то, что теперь он хозяин...

Возможно, это была просто очередная бабья дурь, но Марине постоянно казалось, что Егор присутствует здесь. Что он видит ее и сына, как-то воздействует на многое из того, что происходит с ней, несмотря на то, что при жизни не имел такого влияния. Хотя ведь именно благодаря ему, Егору, в Марининой жизни случались вещи, так или иначе ее менявшие. И то, что у нее есть сын...

Спать она ушла поздно, сидела почти до глубокой ночи в каминной, пила чай и думала. Поднявшись в спальню, не обнаружила Хохла – значит, обиделся серьезно и, скорее всего, ушел в маленькую комнатку под лестницей, где обитал при Малыше. «Что за детсад, ей-богу! А что, если...» – вдруг пронзила Марину мысль о том, что строптивый Женька запросто мог послушаться и уехать в город. Спустившись вниз, она осторожно подошла к неплотно закрытой двери в комнатку Хохла и с облегчением увидела, что там горит свет и сам Хохол что-то тихо насвистывает. Почувствовав, как беспокойство уходит, Коваль развернулась на каблуках домашних туфель и пошла к себе в спальню.

Там, скользнув под прохладный шелк одеяла, она постаралась выбросить из головы все мысли, чтобы нормально выспаться.

* * *

Близились пятница, день свадьбы Ветки и Беса, и накануне подруга позвонила, сообщив, что ждет в гости на девичник. Коваль удивилась:

– Зачем тебе это? Что за предрассудки?

– Почему предрассудки? Я просто хочу провести с тобой последний вечер своей незамужней жизни – что тут странного?

Марина скорчила гримасу, радуясь, что Ветка не видит сейчас ее лица.

– Ты не совсем здорова, дорогая, и пить тебе нельзя совсем...

– Мы пить и не будем, – фыркнула она. – Тебе только дай повод, чтоб нажраться до беспамятства, а еще мамаша! Я поговорить хочу, пообщаться. Ты совсем закопалась в своих

домашних делах, в своих разборках, не приезжаешь ко мне, не звонишь. А ведь иногда надо и расслабиться.

Против этого возразить было нечего, да и не так часто Ветка просила подругу о чем-то, поэтому Марина согласилась. Женька все еще обижался на нее, разговаривал сквозь зубы, даже ночевать в спальню ни разу не пришел, так и уходил в свою каморку. И Марина решила, что давно не устраивала Хохлу легких эмоциональных потрясений, а потому и не сказала, что собирается уехать из дома на всю ночь.

Ветка справедливо расценила, что в доме Беса затевать что-то смысла нет – помешают, и пригласила Коваль в город, в свою квартиру, которую благоразумно сохранила. Видимо, готовясь к вечеру, она отправляла сюда кого-то из домработниц, потому что в квартире царил порядок, все сверкало чистотой, даже цветы стояли в вазах. Сама Ветка, еще не совсем оправившаяся после ранения и операций, в простом шелковом платье цвета сливок, доходившем ей до щиколоток, сидела в кресле и курила. Выглядела она уже намного лучше, чем в прошлый Маринин визит, и даже на щеках был легкий румянец. Белокурые локоны небрежно падали на плечи, голубые глаза, тщательно подкрашенные, как-то таинственно поблескивали. Красавица с кукольным фарфоровым личиком.

– Привет, дорогая. – Марина, не раздеваясь, подошла к ней, обняла, поцеловала в щеку, протянув букет ее любимых бледно-розовых роз. – Отлично выглядишь.

Ветка улыбнулась, провела рукой по ее щеке:

– Ты тоже, Коваль... ты тоже... Проходи, я цветы поставлю.

Она с чуть заметным усилием встала на ноги и, придерживаясь рукой за стену, пошла в кухню, а Марина, сбросив на вешалку пальто и стянув сапоги, устроилась на диване, поджав под себя ноги. В комнате пахло чем-то странным, восточным – тяжелый, тягучий запах, обычно Ветка предпочитала легкие цветочные ароматы, а тут вдруг индийские благовония. У Марины слегка закружилась голова, даже курить расхотелось, хотя до этого была мысль достать сигарету. Вернулась Ветка, за ней пожилая женщина в фартуке вкатил небольшой сервировочный столик, расставила его содержимое на круглом стеклянном столе возле дивана, туда же, в самый центр, водрузила вазу с розами. Ветка внимательно наблюдала за ее действиями, словно выверяла правильность расстановки посуды и положения приборов, потом тихо сказала:

– Спасибо, Нина Андреевна, можете идти.

– Да, Виола Викторовна, – чуть склонила голову женщина и попрощалась. – Я своими ключами закрою, вы не беспокойтесь.

Подождав, пока домработница закроет за собой дверь, Ветка проговорила, глядя на Марину:

– Надеюсь, не сорвешься домой раньше времени?

Та улыбнулась и покачала головой:

– И не надейся, сегодня я останусь у тебя. Я ж не дура, Ветка, и прекрасно понимаю, что ты задумала. Ведь не зря весь этот антураж – свечи, ароматы, стол... и травой пахнет – не сомневаюсь, что ты сейчас меня накачаешь какой-нибудь своей колдовской дрянью. И еще кальян стоит за креслом – тоже не для мебели, насколько я понимаю.

Ветка рассмеялась своим мелодичным смехом, потом пересела к ней на диван и обняла:

– Ты все правильно сказала, дорогая... я только боялась, что ты не согласишься, не приедешь. Ты такая правильная стала в последнее время, даже непривычно. Изменилась...

– Да не изменилась я, Ветуля, куда мне, – Марина прижалась к ней, чувствуя, как та напряглась от этого движения. – Просто... жизнь какая-то пошла – никакой радости, Егорка только... И Хохол стал невменяемый, чуть что – обижается, молчит, уезжает. Я так устала...

Ветка гладила ее по волосам, против обыкновения сегодня не затянутым в узел, а распущенным по спине, и лицо ее было мечтательным, словно она смотрела в будущее и видела

там только хорошее. Они долго сидели так, уже совсем стемнело, комнату заполнил полумрак, накрывая их, как пледом.

– погоди, я свечи зажгу, – прошептала Ветка, вставая и беря со столика коробок с длинными каминными спичками.

Пламя от загорающихся толстых свечей освещало ее бледное лицо, делая его почти мраморным, Марина невольно залюбовалась ее неторопливыми движениями, плавными жестами, ее удивительным спокойствием, прежде ей так несвойственным. Как будто ранение и последовавшее за ним долгое лечение открыли Ветке какую-то новую меру жизни, изменили ее и внешне, и внутренне. И эта новая Ветка почему-то притягивала, вызывала желание прикасаться, просто быть рядом, сидеть и смотреть на нее. Удивительно, они совсем не разговаривали, молча поужинали, молча перебрались обратно на диван и сели, обнявшись. Марина вдруг захотела плакать, слезы сами покатились по щекам, падая на руку Ветки, она развернула подружку к себе и тихо спросила:

– Что с тобой, родная моя? Тебе плохо?

– Да... – выдохнула Марина. – Мне плохо...

– погоди-ка...

Ветка осторожно высвободилась из ее объятий и пошла к столу, взяла стакан и керамический кувшин, налила какую-то темно-золотистую жидкость и протянула Марине. Она поднесла стакан к губам, ощутила травяной аромат, похожий на запах полыни и еще чего-то терпкого, глотнула – напиток оказался теплым и приятным на вкус. Буквально через полчаса ее «отпустило», и Коваль расслабилась. Ветка курила в кресле напротив, не сводя с нее голубых прозрачных глаз.

– Легче?

– Легче... совсем почти хорошо... – язык почему-то заплетался, губы тоже не слушались, да и ощущение у Марины было такое, словно она видит себя со стороны – сидит здесь же и наблюдает за собой, любимой. – Чем ты меня напоила?

– Не бойся, я не сделаю ничего, что бы могло причинить тебе вред, – я же люблю тебя...

Она поднялась из кресла и протянула Марине руку:

– Идем, дорогая... – и Коваль послушно пошла за ней в спальню, чувствуя себя игрушкой в чужих руках.

Ветка, несмотря на свое не совсем окрепшее здоровье, интереса к постельным утехам не утратила, как, впрочем, и умения. Марина уплывала от ее прикосновений, от поцелуев и жадных рук, гладящих тело. Самое интересное, она ничего не требовала взамен, ей было абсолютно не важно, ответит ли Марина на ее ласки – лишь бы не мешала, не ломала кайф.

– Маринка... я никогда не забуду тебя... – прошептала Ветка, упав рядом и уткнувшись лицом в Маринины волосы, рассыпавшиеся по подушке. – Ведь это наша с тобой последняя встреча, ты поняла?

Коваль села и испуганно уставилась на подружку:

– Ты что?! О чем ты говоришь?!

– Т-с-с! Не кричи так... я не о том, о чем ты подумала. Завтра моя свадьба... и больше нам с тобой никто не позволит вот так, как сегодня... Да я и сама уже хочу нормальную семью, Маринка... Детей не будет, вот что плохо, но ведь сейчас и это поправимо, правда?

У Марины отлегло от сердца: она решила, что Ветка собралась... нет, она не хотела даже думать об этом. Коваль снова легла рядом с ней, поцеловала и прижалась лбом к плечу.

– Ветка... ты можешь сказать мне... – начала она, но ведьма перебила:

– Нет, не проси, я не скажу. Как ты будешь жить, если все узнаешь наперед? Ведь ты уже спрашивала меня об этом – помнишь? Когда погиб Егор. И уже тогда я сказала тебе, что никогда не открою того, что вижу, потому что это тебя убьет раньше, чем настанет момент, определенный тебе свыше.

– Но мне тяжело, Ветка, пожалей меня... я мучаю Женьку и сама мучаюсь – так есть ли смысл? – Марина приподнялась на локтях и просительно заглянула в лицо подруги, но та осталась невозмутимой и жесткой.

– Я же сказала – ты не получишь ответа на свой вопрос, даже не проси.

Ветка дотянулась до тумбочки и взяла сигару и зажигалку, села и закурила, окутывая себя ароматным облаком дорогого табака. Марина перевернулась на спину и забросила за голову руки. Простынь обрисовала каждый изгиб ее тела, а длинные черные волосы в полумраке спальни казались змеями, спускающимися с подушки на высокую грудь. Коваль не осуждала подругу за отказ, она и сама понимала, что не сможет жить, получив негативную информацию. Да, собственно, и позитивную тоже – какой интерес, если все знаешь наперед?

Они не спали всю ночь, и под утро Марина напомнила о предстоящей свадьбе, но Ветка отмахнулась беспечно:

– Регистрация только в шесть вечера, еще отосплюсь.

А Марине надо было поторопиться, дома явно паника: телефон отключен, «хаммера» в гараже нет, Хохол в ярости – к бабке не ходи...

* * *

...Он выдернул ее из-за руля и, забросив на плечо как куль с мукой, потащил в дом. И все молча, ни слова – только на скулах вспухают желваки и вены на шее надулись от сдерживаемой злости. Странно: никого ни во дворе, ни в доме, и Егорки нет... И тут Марина вспомнила, что Егора с утра должна была забрать к себе Наталья Марковна, а вечером Сева привезет их сюда ночевать – ведь Коваль же на свадьбу идет.

Пока она раздумывала над этим, Хохол, сорвав шубу и сапоги, поднял ее по лестнице на третий этаж, но неожиданно опустил на ступеньки и, вынув из кармана наручники, прицепил ее руки к перилам. Потом несколькими резкими движениями разорвал в клочья брюки и шелковую блузку. Марина подняла глаза: Женькина морда была перекошена от злости и бешенства, аж искры летели:

– Где... где ты была всю ночь, сучка?! Я с ног сбился... я пацанов по всему городу гонял до утра почти... С кем была?!

Коваль молчала, и тогда он, размахнувшись, ударил ее по щеке – обожгло так, словно раскаленную сковородку приложили, но она не подала вида, только головой мотнула, убирая с глаз челку. Что за этим последует, Коваль тоже хорошо знала... Он лупил ее тонкой плетью так, что в голове мутилось от боли, но Марина не могла ни пошевелиться, ни вскрикнуть – рот он ей тоже предусмотрительно заткнул. Казалось, это никогда не кончится: он швырял плеть в сторону и набрасывался на Марину, вламываясь так, словно собирался порвать, сжимал грудь пальцами, оставляя огромные синяки, снова хватался за плеть. Утомившись, ушел вниз, оставив ее на лестнице, прикованную и раздетую, наливающуюся кровоподтеками и рубцами. Как ни глупо и странно, но ей не было страшно – она знала, что все это не более чем игра в наказание, что еще на час от силы хватит Женькиного запала, а потом он будет жалеть ее, нежно гладить, покрывать поцелуями избитое тело. Она ошиблась только с временным промежутком – он мучил ее до четырех часов и опомнился, только услышав бой больших напольных часов в гостиной:

– Елки-палки! Тебе же еще собираться надо! – он отстегнул наручники и снял маску, притянув Марину к себе и целуя в губы. – Котенок... очень больно?

Она потянулась всем избитым телом и повернулась к севшему на ступеньку Хохлу:

– А сам как думаешь? И что теперь я смогу надеть, чтобы красоту спрятать?

Женька виновато опустил глаза, потом встал, поднял Коваль на руки и понес в джакузи, которую успел включить, но это оказалось плохой идеей – иссеченная спина и зад не собирались терпеть еще и такое издевательство.

– Больно! – охнула Марина, едва опустившись в горячую воду, и Женька сразу вытащил ее, поставил в душевую кабину.

– Давай я осторожно...

– Сама! – пробормотала Коваль, и он вышел, оставив ее одну.

Кое-как приняв душ, она завернулась в полотенце и вышла в спальню, где Хохол уже разложил на постели штук пять или семь вечерних платьев, а сам ушел, предоставив Марине право выбора. Все декольтированное и излишне открытое отпадало, пришлось надевать совсем простое черное платье с глухим воротником – стойкой под самое горло, с длинной юбкой, расходящейся книзу от бедер наподобие колокола. Рукавов, к сожалению, не было, зато имелись перчатки выше локтей, что очень удачно маскировало полосы на запястьях. Марина натягивала чулки на ажурном поясе, когда вернулся Женька в черном костюме и ослепительно-белой рубашке, гладко выбритый и благоухающий туалетной водой. Он застегивал на запястье пижонский золотой «Ролекс» величиной с блюдце и, оглядев Коваль, стоящую только в чулках и поясе, удивленно вскинул брови:

– И все?

– Сейчас платье надено – и все, – подтвердила она, так как уже была накрашена, а в глазах мерцали ярко-синие линзы. Волосы решила не укладывать, собрала в хвост на шее и замотала шифоновым шарфом.

– А... вниз ничего?

– Зачем? – спокойно поинтересовалась Марина, беря платье. – Вдруг тебе приспичит прямо там – так хоть не перетрудишься, снимая.

Хохол заржал, оценив ее юмор:

– Смотри... я ведь могу и исполнить свое желание...

– Я не из тех, кто возражает.

– Господи, как же я люблю тебя, моя родная, – пробормотал он, опускаясь на колени и обнимая ее за талию.

Коваль потрепала его по бритой голове и засмеялась:

– В этом ты постарался убедить меня сегодня, дорогой. И весьма успешно, надо признать – у меня болит все, что только может... Поехали, неудобно опаздывать. Кто за руль?

– Юрец. Они потом с Севкой в городе потусуются, заберут Егора с няней. А нам как надоест, позвоним – подъедут. – Женька поднялся и протянул ей руку: – Идем.

* * *

Стоянка перед бизнес-центром, где располагался огромный и самый модный сегодня в городе ресторан, была заставлена машинами, даже толком выйти было невозможно, да еще и снег прошел, завалив все, поэтому Хохол до крыльца нес Марину на руках, чтобы она в своих лаковых туфлях на шпильке не провалилась в сугроб.

Разумеется, свадьбу Бес закатил со старорусским купеческим размахом, народу набилось – не протолкнуться, Марина недовольно поморщилась: в такой толпе кто угодно может оказаться, и даже хваленые Гришкины спецы не уследят.

Как же она не любила эти помпезные мероприятия, эти показушные торжества с кучей незнакомых людей, со снующими туда-сюда официантами и журналистами, ловящими момент, чтобы заснять кого-нибудь в наиболее неудачном ракурсе! Но настороженно зыркающий исподтишка по сторонам Женька, зная Маринину нелюбовь к фотографии, постоянно ухитрялся оказаться своей широкой спиной к объективу, нацеленному на нее.

– Спасибо, родной, – шепнула она, когда он в очередной раз закрыл ее собой. – Что бы я делала здесь одна?

– Ну, одна бы ты точно не осталась, – улынулся Женька, и Марина поняла, что он имеет в виду: и Ворон, и еще несколько человек поглядывали в ее сторону с нескрываемым интересом, и только присутствие Хохла заставляло их держаться на расстоянии.

– Не ревнуй, я только твоя, ты ведь знаешь...

Его рука незаметно опустилась ей за спину и погладила по ягодицам, Марина вздрогнула и почувствовала, как напрягается грудь. И это после того, что было дома... Она, не глядя ему в глаза, предложила абсолютно серьезно:

– Хочешь, поищем укромное местечко? – И Женька фыркнул, давась от смеха.

Публику Бес собрал разношерстную, от высокопоставленных чиновников до откровенно бандитского вида личностей, и все старательно делали вид, что им не в диковинку общаться друг с другом. Собственно, некоторым даже не приходилось особенно напрягаться – коррупция в верхах города достигла небывалых масштабов, и Бес едва ли не единолично решал многие вопросы, а мэр только согласно кивал и подписывал распоряжения. Коваль не уставала удивляться тому, что нигде выше никому не приходило в голову устроить масштабную проверку деятельности мэрии. Но, судя по всему, Гришка сильно не зарывался, а потому подозрений не вызывал, да и своей благотворительной деятельностью умело прикрывал то, что не должны были видеть широкие народные массы.

К Марине подошел главный архитектор, высокий седой мужчина в идеально сидевшем костюме и черной бабочке, галантно поклонился и предложил отойти в сторонку на пару слов. Она кивнула и пошла с ним к большой колонне у входа в зал, мимоходом подхватив с подноса у проходившего официанта широкую рюмку с коньяком.

– Я вас слушаю, Петр Глебович, – сделав глоток, проговорила Коваль, и он начал:

– Марина Викторовна, что там с вашей стройкой происходит?

– А что? – насторожилась она.

– Говорят, у вас нелегалы трудятся.

– Кто?! – ее изумление было абсолютно искренним, Марина свято соблюдала заведенное еще Егором правило о найме рабочей силы и никогда не позволяла брать на работу непроверенных людей или гастарбайтеров.

– Нелегалы, Марина Викторовна, таджики и туркмены. Живут в вагончиках по двадцать человек, питаются как попало, документов нет.

Архитектор смотрел на нее испытующе, но Коваль глаз не отводила, не чувствуя за собой никакой вины. И потом, разве это его компетенция – нелегалы? Было бы логичнее, если бы с этим подошел Гришук, начальник ГУВД. Марина спокойно допила коньяк и взяла архитектора под руку:

– А пойдете с Гришуком пошепчемся на эту тему.

– Ну, как хотите... я просто подумал, что не стоит сразу до милиции доводить. Сигнал был, я решил с вами пообщаться с глазу на глаз.

«Ага, сигнал, значит, был... И кто же это решил лишить меня сна и покоя? Кому жить надоело, а у самого рука не поднимается? Что-то мне подсказывает, что это Ванечка – компаньон Егора, а теперь, стало быть, мой. Ох, дурачок-дурачок, оно тебе было надо?»

Гришук познакомил Марину с супругой – приятной женщиной лет сорока, очень обаятельной и симпатичной. «Интересно, они до сих пор занимаются сексом?» – пронеслось в ее голове, и Марина одернула себя: серьезный вопрос, а Коваль в своем репертуаре.

– Виктор Дмитриевич, мне тут Петр Глебович жуткие вещи рассказывает – будто у меня на строительстве стадиона нелегалы пашут, – с улыбкой сказала она, чуть задрав голову, чтобы видеть лицо высоченного Гришука. – Вы не в курсе?

– В курсе, – кивнул он. – И даже проверку сегодня устроил на объекте.

– Что?! – опешила Марина, отметив про себя, что прораб не отзвонил и ничего не сказал.

– А вы не знаете? – удивился он. – Двадцать семь человек, уроженцы Таджикистана и Туркмении, документов нет, разрешения на работу нет, регистрации, соответственно, тоже нет. Задержанные доставлены в райотдел, после установления личностей будут депортированы. Кстати, за ваш счет, Марина Викторовна дорогая, – уточнил мент, и Коваль рассвирепела:

– Не будь я в вечернем платье, я бы показала сейчас один красноречивый жест, но не стану, соблюдая приличия. Поговорим в понедельник, а сейчас позвольте откланяться, пока Хохол резню не затеял, меня потеряв!

Марина развернулась на каблуке и пошла к Женьке, наблюдавшему за ней с противоположного конца зала. К нему подошла какая-то разодетая девица, начала что-то говорить, взяла за рукав, но Хохол стряхнул ее руку, оттолкнулся от стены и пошел навстречу Марине. Поравнявшись, он обнял ее.

– Случилось что-то? – спросил он, и Марина кивнула. – Серьезное?

– Да.

– Расскажешь?

– Не порти праздник, – процедила она сквозь зубы, и Хохол отстал.

Наконец-то появились новобрачные, опоздавшие почти на час. Бес светился от счастья, как новогодняя елка, только звезды на голову не хватало, а Ветка...

«Боже мой, как же она сегодня хороша, просто куколка в шикарном белом платье с коротким шлейфом, с гладкой прической и скромным макияжем, с ниткой черного жемчуга на тонкой шейке...» – подумала Марина, невольно залюбовавшись подругой.

Этот резкий контраст черного и белого выглядел странно и одновременно притягательно, даже Хохол, стоящий за Марининой спиной, заметил это, шепнув ей на ухо:

– Елки-палки... я и не замечал, что она такая...

– Даже когда в Москве гасил ее, дорогой? – не оборачиваясь, спросила Коваль, и он укоризненно проговорил:

– Мариш... ну, о чем ты, а? Это ж когда было-то! Уже могла бы и простить.

– А я и не сердилась, если ты помнишь, – абсолютно спокойно произнесла она, продолжая наблюдать за медленно идущими по импровизированному людскому коридору новобрачными.

– Да! – вдруг с горечью произнес Хохол. – Кто ревнует свое домашнее животное! Ведь так вы меня называете между собой? Молчи, я знаю.

Его руки, лежавшие до того на марининых плечах, стали вдруг невыносимо тяжелыми, как будто еще секунда – и они просто придавят ее к полу. Коваль прижалась щекой к чуть сжавшимся на плече пальцам, потом развернулась и, глядя в потемневшие глаза Хохла, серьезно сказала:

– Прости меня, если можешь, – больше никогда...

На его лице выразилось неподдельное изумление – чтобы Коваль просила прощения? Да еще у него? И вот так, на полном серьезе? И небо не рухнуло...

– Я люблю тебя, родная, – он нагнулся и поцеловал ее, не заботясь о том, что их прекрасно видят и, возможно, даже фотографируют. – Я очень тебя люблю.

– И я тебя...

– Я не понял – это чья свадьба? – неожиданно рявкнул за Марининой спиной подкравшийся Бес, и Коваль вздрогнула:

– Гришка! Сдурел совсем?

– Ну-ка, поцелуй меня быстренько и скажи, что ты за меня счастлива! – приказал он, и она расцеловала его в обе щеки:

– Даже не вопрос – я на самом деле счастлива, что ты нашел свою женщину, Гриша.

– Которую, кстати, не собираюсь делить с тобой, – шепнул он ей на ухо, прижав к себе.

Коваль дернулась, но он держал крепко, шепча:

– Я ведь все про вас знаю, даже не пробуй оправдываться. Не держи меня за идиота, я прекрасно понял, где вы были вчера, больше того – я подсуетился немного и установил в квартире – что? Молодец, догадалась – камеру. Сегодня, пока Ветуля в салоне была, посмотрел – чуть не рехнулся! Ну, вы даете! Хочу посмотреть шоу в натуре, вживую.

– Наше шоу дорого стоит! – пытаюсь освободиться, прошипела Марина. – И демонстрируется только избранным!

– А я и есть избранный – я ее муж.

– Вот и радуйся! – огрызнулась она.

– Я еще вернусь к этому разговору, – пообещал Бес, отпуская Марину.

– Сука... – пробормотав это, Коваль подошла к Женьке и попросила: – Давай на улицу выйдем на пару секунд – мне очень жарко.

– Простынешь – там холодно.

– Женья, я тебя умоляю – не доставай меня, просто сделай так, как я прошу! – процедила она, и Хохол снял пиджак, накинул ей на плечи и повел к выходу.

На улице падал снег, поблескивая в свете многочисленных фонарей, освещавших стоянку и улицу. Марина любила такую погоду, ей всегда нравилось стоять и наблюдать за падающими хлопьями снега, за тем, как они ложатся на землю, накрывая ее мягким белым ковром. Поправив чуть сползший с плеч пиджак, она попросила у Женьки сигарету, закурила. Хохол обнял ее сзади, прижал к себе, согревая. «Господи, как же хорошо...»

Марина постаралась выбросить из головы слова Беса, потому что твердо знала: больше ничего и никогда между ней и Веткой не будет. В конце концов, Коваль никогда не чувствовала в себе такого непреодолимого влечения к женщинам, как ее подруга, ее всегда интересовали мужчины, и то, что произошло между ними, всего лишь случайность, не более. Марина получила удовольствие от этой связи только однажды – вчера, и, возможно, это было связано как раз с тем, что это была последняя встреча.

– Мариш, холодно, идем обратно, – проговорил Хохол ей на ухо, разворачивая к двери, и Марина послушно пошла в ресторан, в холле вернув Женьке пиджак.

Дальше все пошло вполне нормально, как у людей: тосты, подарки, танцы... Ветка выглядела слегка утомленной, что и немудрено в ее состоянии, пора бы ей и домой. Коваль высказала ей эту мысль, когда она подошла к их столику и села, расправив платье. Ветка улыбнулась:

– Не волнуйся, все в порядке. Женья, как дела? – обратилась она к Хохлу, и тот вполне миролюбиво ответил:

– Нормально. Поздравляю тебя, теперь замужняя женщина.

– Осталась только твоя Коваль, – с хитрой улыбкой подколола Ветка. – Но ведь ты все еще надеешься это исправить, да, Хохол?

– Нет. Мне хорошо и так, – заверил он, поглаживая пальцем простое тонкое колечко на Марининой руке – его подарок на ее прошлый день рождения, Марина носила его, как и обещала. – Мне достаточно просто знать, что она со мной.

Коваль удивилась: впервые Хохол публично отрекся от своего желания видеть ее своей официальной женой, заявив, что его устраивает все так, как есть.

Перехватив его руку, она прижалась к ней щекой и благодарно посмотрела Хохлу в прищуренные серые глаза. Он еле заметно кивнул и улыбнулся какой-то виноватой улыбкой, словно извинялся за свои слова.

Ветка еще немного посидела с ними и пошла на свое место, к Бесу. Марина же почувствовала себя усталой и разбитой, да и спина, иссеченная Хохлом утром, начала вдруг болеть, и они потихоньку уехали, предупредив только жениха с невестой.

Коваль блаженно дремала на заднем сиденье «Хаммера», положив голову на колени Женьке, а он старался не шевелиться, чтобы не потревожить ее сон. Он и домой ее внес на руках, осторожно опустил на постель в спальне и раздел.

– Господи... – пробормотал вполголоса, когда Марина перевернулась на живот, демонстрируя спину, покрытую рубцами. – Чуть не убил... – Он начал тихо и почти неслышно касаться губами кожи. – Любимая моя... не трону больше... козел ревнивый, сорвался...

Она потянулась всем телом, переворачиваясь обратно на спину и пытаясь натянуть на себя одеяло, но Женька не дал, ложась рядом и начиная снова бродить губами по телу.

– Жень... я устала...

– Да, родная... я не буду ничего... – промычал он, не прерывая своего занятия.

– Пожалуйста... ложись, давай поспим... – Она обхватила его за шею и сонно поцеловала.

Хохол уgomонился нескоро, так всегда бывало – получив Марину в свое распоряжение, он старался взять все, что только она могла ему предложить, как будто боялся, что больше этого не будет.

* * *

Через несколько дней Хохол приехал из города какой-то взвинченный и нервный, с ходу пнул подлетевшую к нему собаку, и та завизжала, отскочив в сторону и, кажется, не совсем понимая, за что получила такого винта от любимого хозяина. Влетев на крыльцо, Женька заорал:

– Где Марина с пацаном?!

– Да здесь я, что ты орешь? – сказала она, выходя из беседки, где с Егоркой играла в машинки, прячась от ветра.

– Никуда из дома не высывайся! И ключи от «Хаммера» мне сюда!

Коваль уставилась на него, удивленная таким заявлением ничуть не меньше, чем бедная собака пинком:

– Что случилось?

– На казино ночью налет был, на «Госпожу удачу»! – сообщил он, успокаиваясь и доставая сигареты. – Разнесли все, на хрен! И кассу сняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.